

55380

1150

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS DE ATILA JÓZSEF
NOMINATAE

DISSERTATIONES

SLAVICAE

SLAVISTISCHE MITTEILUNGEN

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ ПО СЛАВЯНОВЕДЕНИЮ

II.

67-808

SZEGED
1964

55380

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS DE ATTILA JÓZSEF
NOMINATAE

DISSERTATIONES
SLAVICAE

SLAVISTISCHE MITTEILUNGEN

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ ПО СЛАВЯНОВЕДЕНИЮ

II.

SZEGED
1964

**Publicationes Instituti Philologiae Rossicae in Universitate
de Attila József Nominata**

II.

**Redigit
József Juhász**

**Seriem publicationum edendam curat
Imre H. Tóth**

ZU DEN SPUREN DES GOTISCHEN ARIANISMUS IM BULGARISCHEN ALTKIRCHENSLAW. *SQBOTA* - D. SAMSTAG

E. MOÓR

Die Deutschen bzw. die Westgermanen sind mit dem Christentum zuerst noch im 6. Jh. durch die arianische Mission aus dem Gotenreich Theodorichs (+526) bekannt geworden. Hierfür zeugen solche gotische Lehnwörter in der christlichen Terminologie der deutschen Sprache, wie *Kirche*, *Bischof*, *Engel*, *Ertag* 'Dienstag', *Pfinztag* 'Donnerstag', *Samstag*, *Heide*, *Pfaffe*, *Pfingsten*, *taufen*, *Teufel*, *Woche* (s. für die angeführten Wörter die Wortartikel in Kluges EtWb.).

Nach Zeugnis der in allen Slavinen vorhandenen Entsprechung von urslaw. *cyrky* < got. * *kyrikó* 'Kirche' scheint die gotisch-arianische Mission auch die Vorfahren der Slawen erreicht zu haben. Die von Loewe aufgeworfene Idee, dass dieses slawische Wort aus dem Balkangermanischen stammen sollte, sei nach Berneker (EtWb. I, 132) unerweislich. Abgesehen hiervon kann es nicht zweifelhaft sein, dass vor allem die Bulgaren unter den südslawischen Völkerschaften mit dem Christentum inniger zuerst durch arianische Goten auf der Balkanhalbinsel bekannt geworden sind, was sich aus gotisch-arianischen Lehnwörtern wie altkirchenslaw. *krstъ* 'crux' < got. * *krist* und altkirchenslaw. *popъ* 'sacerdos' deutlich ergibt.

In diese Gruppe von Wörtern gehört auch — was wir gleich zeigen wollen — altkirchenslaw. *sobota* 'Samstag'. Wenn wir diese wichtigen Wörter in der Kirchenterminologie der Bulgaren berücksichtigen, so wird man sich der Folgerung kaum verschließen können, dass das arianische Christentum der Goten auch unter den Bulgaren verbreitet war. Und diese Folgerung ist schon deswegen naheliegend, weil der gotische Gottesdienst in Moesien nach Zeugnis des Reichenauer Abtes Walafried Strabus im 9. Jh. noch anzutreffen war (vgl. Fr. Kluge in Grundriss der Germ. Philologie², I, 499). Es hat sogar den Anschein, dass die Bekehrung der Bulgaren im Jahre 863 im Grunde genommen nichts anderes war, als ihr Anschluss an die byzantinisch-orthodoxe Kirche.

In den arianischen *crky*-s der Bulgaren wird der *popъ* den Gottesdienst (d. h. *služba* > ung. *szolozsma* alt 'Gottesdienst') wohl in bulgarischer Sprache abgehalten haben. Möglicherweise hat dieser Umstand dem griechischen Kleriker Konstantin (Zyryll) den Anstoß zur Schaffung einer slawischen Liturgie- und Bibelsprache gegeben, um auf diese Weise den orthodoxen Glauben unter den heidnischen und arianischen Slawen leichter verbreiten zu können.

Nach der „Bekehrung“ der Bulgaren im Jahre 863 wurde die gotisch-slawische christliche Terminologie bei den Bulgaren von der byzantinischen Kirchenterminologie überdeckt. Vermutlich bedeutete diese „Bekehrung“ der Bulgaren auch die Einführung des Griechischen als Liturgiesprache; denn die slawische (orthodoxe)

Liturgiesprache des Zyrill gelangte auf dem Balkan erst nach der Vertreibung der Jünger Methods aus Mähren im Jahre 885 zum Sieg.

Mit Ausnahme von *crky* sind die angeführten gotisch-bulgarischen Ausdrücke auch in der christlichen Terminologie des Ungarischen — aber auch einige byzantinisch-bulgarische Ausdrücke — vorhanden, für 'Kirche' gibt es aber schon den ungarischen Ausdruck *egyház* 'heiliges Haus'. Dieser Umstand bezeugt allein schon, dass die bulgarischen Bewohner des Alföld in der Zeit der ungarischen Landnahme Christen waren und dass die Ungarn mit dem christlichen Glauben zuerst durch bulgarische Vermittlung inniger bekannt geworden sind, so dass auch ihre „Bekehrung“ um 1000 im wesentlichen ein etwas ähnlicher Prozess gewesen sein wird, wie bei den Bulgaren, d. h. die Annahme des römischen Ritus und der römischen Organisation der Kirche.

Zu den aus dem Gotischen stammenden Wörtern gehört — wie oben bereits erwähnt — im Bulgarischen auch der Name von 'Samstag': altkirchenslaw. *sobota*. Es wird zwar angenommen, dass es auf ein „dialektisches“ griech. *σάββατον* zurückgehen sollte (vgl. Kniezsa a. a. O. S. 508 mit Literatur). Aber auch die gotische Vorstufe *sambatō von d. *Samstag* wird auf ein „vulgärgriech.“ *σάββατον* zurückgeführt. Dieses *σάββατον* ist aber nur eine auf Grund der deutschen und bulgarischen usw. Formen erschlossene Form (vgl. Fr. Kluge, Grundriss d. germ. Phil.² I, 360), die in der griechischen Sprache bestimmt nie existiert hat, aber man hat vor dieser Form das Sternchen mit der Zeit in sprachwissenschaftlichen und historischen Werken infolge des häufigen Zitierens einfach fallen gelassen. — Die Byzantiner pflegten zwar das fremde *b* nach dem Wandel von *β > v* in der Schrift mit *μβ* wiederzugeben (hierfür mehrere Beispiele in Gy. Moravesiks „Byzantino-turca“), doch wird der Name vom 'Samstag' bei den Byzantinern immer als *σάββατου* oder als *σάββατ* niedergeschrieben. Wir brauchen zur Erklärung der altkirchenslawischen und deutschen Wortformen durchaus nicht ein byzantinisches *σάββατου* anzusetzen; denn die vorauszusetzende *sambato*-Form hätte im Gotischen beim mündlichen Gebrauch des überlieferten *sabbato* ohne weiteres zustande kommen können. Im Gotischen gab es nämlich im Gegensatz zum Westgermanischen weder geminiertes *-bb-* noch *-b-* im Inlaut: das germn. *b* hat sich nämlich im Inlaut nur in den Verbindungen *mb*, *rb* und *rl* erhalten (vgl. F. Kluge a. a. O. 509). Im mündlichen Gebrauch des Wortes *sabbato* wird man also im Gotischen zur Erleichterung der Aussprache das nicht vorhandene *-bb-* durch das vorhandene *-mb-* ersetzt haben, dessen Fortsetzungen wir sowohl im Deutschen als auch im Bulgarischen antreffen können.

Die Fortsetzungen der gotisch-bulgarischen Form sind auch im Serbokroatischen, dann im Russischen und Ukrainischen anzutreffen, also bei allen slawischen Völkern, die die byzantinische Form der christlichen Religion mit bulgarischer Vermittlung kennengelernt bzw. übernommen haben. Zu diesen gehören aber ausser slawischen Völkern auch die Rumänen und die — Ungarn. Bei westslawischen Völkern und den Slowenen geht der Name *sobota* von Samstag schon auf die lateinische Form: *sabbatum* bzw. *dies sabbati* zurück.

К ИСТОРИИ СОЧЕТАНИЙ ТЪРТ, ТЪЛТ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

— И. Х. Тот

Одним из важнейших вопросов сравнительной грамматики славянских языков является судьба сочетаний типов *търт*, *тълт* в различных славянских языках. Наша статья пытается исследовать на материале ранее не опубликованных данных в свете новейших результатов исторической грамматики русского языка судьбу сочетаний *търт*, *тълт* в древнерусском языке.

1. За последнее время о судьбе редуцированных и особенно о характере плавных в сочетаниях *търт*, *тълт* написал очень ценную работу *В. Н. Сидоров* под заглавием „Редуцированные гласные в древнерусском языке“¹. Исходя из тщательного анализа судеб редуцированных, автор пришел к следующему выводу: в древнерусском языке произошло изменение неслоговых плавных в сочетаниях *тълт*, *тълт* в елоговые, в результате чего *търт*, *тълт*, из односложных стали двуслоговыми, т. е. *търт*, *тълт* >, *тъ|р|т*, *тъ|л|т*. Слоговость плавных в сочетаниях *търт*, *тълт* несколько лет тому назад также предполагалась профессором *П. Я. Черных*², но он не развил дальше свою гипотезу.

Исходным пунктом *В. Н. Сидорова* явилось то, что возникшее из общеславянского *търт*, *тълт* не соответствует основной звуковой тенденции славянских языков, стремлению открытых слогов.

Открытым сочетание *търт*, *тълт* могло быть только в том случае, если *р*, *л* стали слоговыми, причем долгими. Потеря позиционно обусловленной слоговости плавного вызвала заместительное удлинение редуцированных в *О*, *Е*.

Исследовав особенности некоторых памятников XI в., в которых на месте общеславянских *търт*, *тълт* имеются написания разного типа, *В. Н. Сидоров* пришел к выводу, что „... передавая на письме свои сочетания типа *търт* русские писцы, поскольку в этих сочетаниях сочетания были слоговые плавные, обозначали их слоговость надстрочным знаком“³.

В теории *В. Н. Сидорова* нужно отметить следующее:

1. Автор предполагает, что из общеславянского *търт* в древнерусском языке развились сочетания *тъ|р|т*, *тъ|л|т*. По *А. М. Селищеву*, изменение общеславянского *търт* в *търт* в древнерусском языке обусловлено тенденцией избежать слоговости плавных. Это — общая тенденция восточнославянских языков, которая находилась в полном действии во время истории восточнославянских языков.

1. *В. Н. Сидоров*, Редуцированные гласные Ъ и Ь в древнерусском языке XI в., Сб. „Труды Института языкознания“, т. II, 1963 г., стр. 199—219.
2. *П. Я. Черных*, Историческая грамматика русского языка, М., 1950 г., стр. 109.
3. *В. Н. Сидоров*, указ. соч., стр. 217.

Прекратилась, или уменьшилась бы эта тенденция в такой мере, чтобы могли возникнуть слоговые плавные, хотя их слоговость была только „вариацией“ чистых плавных? Если только открытость слога была бы главной тенденцией, вызывающей их изменение в древнерусском языке дописьменного периода, они могли бы сохраниться в виде *t̃t̃*, но перед ними развился гласный элемент, изменившийся в *ъ, ь*.

2. В. Н. Сидоров предполагает в сочетании *t̃t̃t̃* только позиционно обусловленную слоговость, „вариацию“ неслоговых плавных.⁴

3. Механизм дальнейшего развития автор описывает следующим образом: „плавные, сокращаясь, утрачивали свою позиционно обусловленную слоговость. Сокращение слоговых плавных в свою очередь вызывало удлинение находившихся перед ними редуцированных *ъ* и *ь* которые изменялись, подобно „сильным“ *ъ* и *ь*, в гласные полного образования *о, е*.“⁵ Из этого вытекает, что потеря слоговости плавных вызвала удлинение *ъ, ь* перед ними. Если бы они не потеряли слоговость и долготу, гласные *ъ, ь* не стали бы сильными и не перешли бы в *о, е*. Так как *ъ, ь* перед плавными во всех диалектах древнерусского языка изменились в *о, е* из-за потери слоговости плавных, эти слоговые плавные должны были бы существовать во всех диалектах древнерусского языка.

4. Вокализация *ъ* и *ь* перед плавными указывает на уже совершившуюся полную потерю плавными своей слоговости.

5. Принимая во внимание то, что перед *г, л, ь* реально произносились, написанные *ъ, ь* перед плавными не могут свидетельствовать о слоговости плавных, они отражают реальное существование редуцированных. Следовательно, в памятниках надо найти обозначение сочетаний *t̃ ь|r|t̃*.

Эта задача заставила автора исследовать графические особенности памятников XI века. В древнерусских памятниках вместо старославянского *ръ, рь, лъ, ль* встречаются написания разного типа:

1. *ръ, рь* является правильной копией старославянского протографа;

2. *ьр, ьр* передает реальное древнерусское произношение;

3. *ьрь, ьрь* считается исследователями комбинацией древнерусского произношения со старославянской графикой;

4. *ьр, ьр* с надстрочными значками можно считать — вслед за В. Н. Сидоровым — обозначением слогаобразующих плавных.

Но здесь надо указать, что, хотя слоговые, были всеобщей особенностью древнерусского языка, имеются памятники, которые в подавляющем большинстве случаев знают написание *ьр, ьр*. Среди памятников XI века таким является Архангельское евангелие 1092 г. Здесь находятся только два примера на *Рь, Ль* и пять примеров, где плавный стоит между двумя редуцированными, в остальных случаях редуцированный стоит перед плавными, что „подчеркивает, как сильна была живая разговорная струя в языке писца и как часто проявлялась она на письме“.⁶

На написанное *ьР, ьР* с надстрочным знаком примеров нет. Таким образом,

4. В. Н. Сидоров, указ. соч., стр. 208.

5. В. Н. Сидоров, указ. соч., стр. 209. /Разрядки наши/

6. М. А. Соколова, К истории русского языка в XI веке, „Известия по русскому языку и словесности“, т. 3, стр. 111.

в этом памятнике, южного происхождения, слоговость плавных в *tъrt* не обозначается. Отсутствие обозначения слоговости плавных можно приписывать школе писца, не прибегавшей к графическому изображению их. Но можно истолковать этот пробел и как факт, свидетельствующий о том, что таких звуков действительно не было в языке писца.

2. На основе указанной теории В. Н. Сидорова В. С. Гольшенко работала над материалом Чудовского сборника № 12, чтобы указать в нем слогаобразующие плавные. Интересная и заслуживающая внимания статья В. С. Гольшенко была опубликована в сборнике „Историческая грамматика и лексикология русского языка“.⁷ Автор статьи, исследуя Чудовский сборник, установил, что в конце строки написание ЪР, ЪР, ЪЛ, РЪ, РЪ, и ЪРЪ, ЪРЪ, ЪЛЪ обозначают слоговые плавные в языке писца.⁸

Чтобы убедиться в существовании слоговых плавных в древнерусском языке XII—XIII веков, мы стараемся исследовать в них рефлексy общеславянских сочетаний *tъrt tъlt* и их передачу на письме.

3. Первым памятником, которым мы подробно занимались, было евангелие-апрокос, находящееся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина (фонд 256 : № 104).*

Это евангелие было переписано в конце XII века. Местом написания был Новгород, о чем свидетельствует смешение С и Ѡ. Например: КОУРИЧА 83а, ОВЪЧЮ 86, МНОЖИЧЕЮЮ ю 88а, МЛАДЕНЪЧЕМЪ 88б и пр. Подобным же образом на северное происхождение исследуемого памятника указывает употребление-сочетаний-букв-ЖГ для передачи древнерусской *ždъ* или *ž:O ДЪЖГИ* 87а, ИЖГЕНОУТЬ 83а, 123б, 147а, ИЖГЕНЕТЬ 60б и пр.

Памятник был написан одним писцом. Редуцированные гласные в нем еще не переходят в сильной позиции в О, Е; в сочетании *tъrt*, *tъlt* нет случаев вокализации сильных Ъ и Ь. В слабой позиции, особенно в первом слоге корня, можно наблюдать выпадение редуцированных гласных; этим доказывается, что выпадение слабых редуцированных было в начальной стадии. Редуцированные употребляются этимологически правильно, не смешиваясь друг с другом, за исключением некоторых случаев. Эти особенности языка делают Евангелие № 104 выгодным для изучения в нем судьбы названных сочетаний.

4. Перейдем к анализу языка этого памятника.

В Музейном евангелии встречаются 434 случая употребления сочетаний *tъrt*, *tъlt*. Их разделение следующее: сочетание *tъrt* встречается 24 раза, *tъrt* — 303 раза и *tъlt* — 107 раз.

*Автор приносит глубокую благодарность Отделу рукописей Гос. библиотеки СССР им. В.И. Ленина за то, что получил возможность познакомиться с оригиналом рукописи; благодарит сотрудников отдела рукописей за их помощь и доброжелательность к автору.

7. В. С. Гольшенко, К вопросу о качестве плавного в корнях, восходящих к +ТЪРТ, +ТЪРТ, +ТЪРТ в древнерусском языке XII—XIII вв. Сб. „Историческая грамматика и лексикология русского языка“. М., 1962 г., стр. 20—28.

8. В. С. Гольшенко. указ соч., стр. 27—28.

С точки зрения их расположения данные нашего памятника можно разбить на две группы: 1. сочетания в строке, 2. сочетания в конце строки. Приводим перечень сочетаний.*

А. Сочетание tьrt tьlt в строке

- БЪРВ,-:** БЪРВЪНО 67б, БЪРВЪНО 67б (два раза). Всего 3 раза.
ВЪЛК- ВЪЛКА —: 73б. Всего 1 раз.
ВЪЛК-: от глагола ВОЛОЧИ- СЪВЪЛКЪШЕ 83б, ОБЪЛКЫИ 118а, ИЗВЪЛКЪ 111а. Всего 3 раза.
ДОВЪЛЛЪН-: ДОВЪЛНО 116б. Всего 1 раз.
ВЪЛН-: ВЪЛНЕНИЮ 70б, ВЪЛНЫ 53а, 63а. Всего 3 раза.
ВЪРБ,-: ВЪРБЪНЕИ 126б, ВЪРБЪНАЯ 127б. Всего 2 раза.
ВЪРВ,-: ВЪРВИ 5а. Всего 1 раз.
ВЪРГ-: ОТВЪРЖЕ 5а, 13., ВЪРГОУТЬ 19б, 32а, 32б, ИЗВЪРЖЕТЬ 28а, ИЗВЪРГОША 32б, ОТВЪРГОСТЕ 34б, 36а, 37а, (два раза), 38б, 39а, 40б, 52б, ОТЪВЪРЖЕТЬ 41а, 72б, ВЪВЪРЖЕН Ъ 64а, ОТВЪРГЪИСЯ 79б, ОТВЪРЖЕНЪ 79б, 83б, 89б, 94а, 96а, 98а, 100б, 102а, 104б, (два раза) 105а, 108а, (два раза) 110б (два раза) 112а, (три раза), 117а (два раза), 118б, 124а, 139б, 142а, 143б (два раза), 144а, 145б, 150б, 151а, (два раза), 151б, 158а.
ВЪРЖЕНИЕ 116б. Всего 54 раза.
ВЪРЗ-: ОТВЪРЗОСТА 3а, ОТВЪРЗИСЯ 5а, ОТВЪРЗАЕТЬ 20б, ОТВЪРЗЕ 22а, 22б (два раза), ОТВЪРЗОСТА 22а, 23а (два раза), 28б, 33а, 38б (два раза), 41а, 41б, 47а 52а, 52б, 61б, 62а, 76а (три раза), 91б, 94б, 101б (два раза), 135а, 155б. Всего 30 раз.
ВЪРС-: ОТВЪРСТО 4а, ОТВЪРСТОМЪ 121б. Всего 2 раза.
ВЪРХ-: ДО ВЪРХОУ 7а, 44б, 63б, 72а, 127а (два раза), 123б, 133а, 155а, 156б. Всего 10 раз.
ВЪРШ-: СЪВЪРШАЮТЬ 8б, СЪВЪРШЮ 18а, СЪВЪРШЕНИ 30а, СЪВЪРШИ 33а, СЪВЪРШЕНЪ 47а, СЪВЪРШЕНИЕ 84б, СЪВЪРШИТИ (два раза) 84б, 99а, 127б, 149а, 156б, 157а. Всего 14 раз.
ГЪРС-: ГЪРСТЬЮ 59а. Всего 1 раз.
ДЪЛГ- : ДЪЛЖЪНИКЪ 43б, (два раза) ДЪЛЖЪНИКЪ 43б, 44а, ДЪЛЖЪНИКА 69б, 70а, 75б, ВЪЛЖЕ, НШЕ 82б, ДЪЛЖЪНИКОУ 75 : 3, 85б (три раза), 102б, 120а, 141а, На ДЪЛЗЕ 105б, ДЪЛГЫ 120а. Всего 18 раз.
ДЪЛГ-: ДЪЛГ 44а longus. ПРОДЪЛЖАЕТЬ 52б, ДЪЛГОУ 57а, Всего 3 раза.

*Примечание: По техническим причинам нам пришлось заменить несколько букв оригинала Евангелия № 104 Гос. библиотеки им. Ленина/фонд 256/ и некоторые принятые в лингвистической литературе знаки транскрипции; вместо буквы „юс большой“ напечатана буква оу, вместо буквы „юс малый“ напечатана буква я, вместо буквы „ять“ напечатана буква Е /жирным шрифтом/, вместо знаков для слогаобразующих плавных напечатаны знаки г, I /жирным шрифтом/.

ДЪРЖ-: ДЪРЖИТЕ 1а, ДЪРЖАШЕ 2б, ДЪРЖИТЕ 6а, ДЪРЖАТЬ 6а, ОДЪР-
 ЖИМЪ 13а, 48б, 64б, 78а, 93б, ДЪРЖАШЕ 59а, ДЪРЖИТЕ 59а,
 два раза) 59б, 64б, 65а, 72а, 82а, 96а, 97а, 100а. Всего 20 раз
 ДЪРЗ-: ДЪРЗНОУВЪ 10а, 157а, ДЪРЗАИТЕ 38а, 148а, ДЪРЗАИ 80б. Всего 5
 раз.
 ЖЪРН-: ЖЪРНОВЪ 38б, ЖЪРНОВЪНЪЫИ 98а, ЖЪРНОВАХЪ 134а. Всего 3
 раза.
 ЖЪРТ-: ЖЪРТВЪНЪКИМЪ 44б, Всего 1 раз.
 ЖЪРТ -: ЖЪРТИ 92а, 115а. Всего два раза.
 ЗЪЛЧ-: ЗЪЛЪЧИЮ 155а, Всего 1 раз.
 ЗЪРН-: ЗЪРНО 24а, 41а, 41б, ЗЪРНОУ 53а, 92а, 94а, 102б (два раза), 137а.
 Всего 9 раз.
 КЪРМ-: КЪРМ 53а. Всего 1 раз.
 МЪЛВ-: МЪЛВА 107а, 140а, 153б. Всего 3 раза.
 МЪЛК-: ОУМЪЛКНОУТИ 48а. Всего 1 раз.
 МЪЛН-: МЪЛНИИ 46а (два раза), 87а, МЪЛНИЯ 130б. Всего 4 раза.
 МЪЛЧ-: ОУМЪЛЧИТА 46б, МЪЛЧИ 53а, ОУМЪЛКНОУТЬ 90а, ОУМЪЛЧА-
 ША 91б, 100б, 121а, 143а, 151а. Всего 9 раз.
 МЪРК-: ПОМЪРКНЕТЪ 46а, 130б., ПОМЪРЧЕ 156а. Всего 4 раза.
 МЪРЗ-: МЪРЗОСТЬ 45б, 100а, 106а, 130а. Всего 4 раза.
 МЪРТВ-: МЪРТВЫИХЪ 5б, 7б, МЪРТВИИ 8а, СЪМЪРТИ 2б, 8а (два раза),
 24б, 25б, 30а, 30б, 33б, 34б, 37а, 40а, 43а (два раза), 54б, 69б,
 70б, 73а, 75а, 75б, 86б (два раза), 92б (два раза), 96а, 103б, 104а, 106а,
 108б, 109а, 110б, 111б, 116а, 118б (два раза), 123а, 125б (два раза)
 124а, 124б, 126а (два раза), 127б (два раза), 128а, 131б, (два раза)
 132а, 136б, 137а, 139б, 142а, 143б, 151а, 152а, 157б. Всего 39 раз.
 ПЪЛН-: И СПЪЛНЕНИЯ 1б, ИСПЪЛНЪ 1б, ИСПЪЛНИ 6а, НАПЪЛНИТЕ
 7а, НАПЪЛНИША 7Аб, 14б, 20а (два раза), 27б, 28б, 29б, 32б,
 36а, 38а, 44а, 44б, 45а; (два раза), 47б, 50б, 57а, 62б, 63б, 64б,
 65а, 66а, 78б, 92а, 93б, 95б, 113а, 127б, 133а, 133б, 138а, 147а,
 148а, 156б. Всего 39 раз.
 ПЪРВ-: ПЪРВЕ И 1б, ПЪРВЕЕ 13а, 28б, ПЪРВЫХЪ 39б (два раза), 40а, ПЪР-
 ВУМОУ ! 42а, ПЪРВЫИ 42а, 44б, 50б, 55а, 67б, 77а, 78б, 79б,
 82а, 88а, 90а, 92а, 99б, 103б (два раза), 104а (три раза), 105б,
 108б, 109б, 129б, 129а, 129б, 131а, 131б, 133а, 147а, 156б, 157б
 Всего 36 раз.
 ПЪРСТ-: ПЪРСТЪМЪ 51а, 79а, ПЪРСТЕ 76б, ПЪРСТЕНЬ 108б, 123а, Всего 4 раза.
 ПЪРС-: ПЪРСИ 30б, 105б, 119б, 156б. Всего 4 раза.
 СКВЪРН-: СКВЪРНИТЬ 34б (два раза), СКВЪРНЯТЬ 35а, 60а (четыре раза),
 156б, 151б. Всего 9 раз.
 СКЪРБ-: СКЪРБЪИ 29а, ОСКЪРБЕ 30б, СКЪРБЯ 121а, 130а, 141а, 142а. Всего
 6 раз.
 СТЬЛП-: СТЬЛПЪ 49а, 84б, 86б, 101б, 129а. Всего 5 раз.
 СЪРД-: СЪРДЪЦА 35б, МИЛОСЪРДОВА 89б, 97б. Всего 3 раза.
 Остальные случаи этого корня находятся под титлом.
 СЪРП-: СЪРПЪ 53. Всего 1 раз.
 ТВЪРД-: ОУТВЪРДИ 71б, 73б, 75а, 110б, 116а, 121а, 157б (три раза). Всего
 9 раз.

- ТЪЛК: ТЪЛКНОУВЪШЮ 91б. Всего 1 раз.
- ТЪРГ-: ТЪРЖЬНИКОМЪ 5а, ТЪРЖИЩЕ 39б, 51а, 56б, 59а, 69а, 78б, 101а, 104б, 107б, 132а, 135б. Всего 12 раз.
- ТЪРГ-: НСТЪРГНЕТЬ 34б, 97а, ПРЕТЪРГАХОУ 53б, НСТЪРГНИ 102б. Всего 4 раза.
- ТЪРЗ-: ПРОТЪРЗАХОУ 64б, ВЪСТЪРЗАХОУ 71а, 77б, 110б, 111б, 120б. Всего 5 раз.
- ТЪРН-: ТЪРНИИ 51а, 67б, 72а (три раза), 154а, ТЪРНОВЪНЪИИ 152б. Всего 7 раз.
- ТЪРП-: ТЪРПЛЮ 37б, 41б, 43б, ПОТЪРПИ 43б, ПОТЪРПЕВЪИИ 45б, 55а, 72а, 83б, 93а, 105б, 106а, 130б. Всего 12 раз.
- ЧЪРП-: ПОЧЪРПЪШЕ 7а, ПОЧЪРПАТЬ 170, ПОЧЪРПАЛЬНИКА 17а (три раза). Всего 5 раз.
- ЧЪРТ-: ЧЪРТЕ 8б. Всего 1 раз.
- ЧЕТВЪРТ-: ЧЕТВЪРТК (под титлом) 42б, 50б, 140а, 142б, ЧЕТВЪРТОЕ 57б, ЧЕТВЪРТОВЛАСТЬЧЬ 70б, ЧЕТВЪРТЪИИ 126б. Всего 7 раз.
Остальные случаи находятся под титлом и их разбирательство невозможно.
- ЧЪРВ-: ЧЪРВЬ 120б (два раза), 154а. Всего 3 раза.

Рассматривая случаи написания *търт*, *тълт* сразу бросается в глаза, что в Евангелии № 104 старославянским РЪ, РЬ, ЛЪ, ЛЬ *в строке* соответствует написание с буквами Ъ, Ь перед плавными. Исключение составляют следующие случаи: *НЗВЪЛЪКЪШЕ* 32б, *ЦРЬКОВЪНЫМЪ* 44, *ЦРЬКЪВИЮ* 133б, *ЗЪЛЪЧЬ* 155. По нашему мнению написание ЪЛЪ и РЬ на месте древнерусского ЪР, ЬР попали в Евангелие № 104 из протографа. Наше предположение о том, что названные исключения в написаниях сочетаний *търт*, *тълт* восходят к протографу подтверждается и тем, что слово *ЖЪЛЪЧЬ*, представляющее собой комбинацию старославянской орфографии и русского произношения, в таком же виде встречается в Остромировом евангелии⁹ и Чудовской псалтыри¹⁰

Можно сказать, что писец последовательно придерживался своего произношения, и сложившейся к тому времени орфографической традиции писать Ъ, Ь перед плавными.

Стремление писца избежать написаний плавным между двумя ъ или ь появляется и в том, что в рукописи по обеим сторонам плавных редуцированные пишутся *только* в следующих случаях, не передающих сочетания *търт*, *тълт*: *ПОДЪЛЪКОУ* 59б (но ср. *ПОДОЛЪКЪ* ЪІ на листе 132 и форму *ПОДОЛЪЦЕ* в Гал. евангелии 1144 г.), *КАПЪРЪНАОУМЪ* 5а, 63б, 64а, 68а, 69б, но и в этом случае встречается пропуск Ь после Р: *КАПЪРНАОУМЪ* 10а, 15а, 74а. Следует заметить, что это слово встречается в форме *КАПЕРЪНАМЪ* в Зографском, Мариинском и Ассеманиевском евангелиях. Ъ отсутствует даже в причастиях, образованных от глагола *ОУМЕРЕТИ* хотя появление здесь редуцированных этимологически оправдано: *ОУМЪРШАГО* 126б (два раза), 157а, *СТВОРШЕ* 64, *СТВОРШОУ* 137б и пр.

9. М. Козловский. О языке Остромирова евангелия. Сб. Исследования по русскому языку. I. Спб. 1895. стр. 108.

10. В. Н. Сидоров. указ. соч., стр. 218.

В исследуемой рукописи народная языковая струя заметно обнаруживается в следующих случаях:

Во-первых, редуцированные употребляются этимологически правильно (естественным исключением является сочетание $t\dot{t}t < tlt$. Отклонение от этой нормы наблюдается в слове ДЪЛЖЬНИКЪ 3б. Буква Ъ на месте ожидаемого Ъ является опиской, что подтверждается постоянным употреблением в этом памятнике Ъ в этом же корне: ДЪЛЖЬНИКЪ 43б, 44а и т. д. Буква Ъ вместо ожидаемого Ъ в корне ТЪРГ- встречается и в других памятниках XI и XII века например, в Архангельском евангелии и Ефремовской Кормчей. Но с Ъ встречается этот корень в Гал. евангелии 1144 г. РАСТЪРГНОУТЬ 14а, 29а (два раза) и пр. Это написание А. М. Соколова объясняет „влиянием аналогии с такими глаголами, как ТЪРЗАТИ”.¹¹

Во-вторых, писец Музейного евангелия употреблял слово СКЪРБЬ с редуцированным гласным переднего ряда. Слово с таким редуцированным передает живое древнерусское произношение и одновременно говорит в пользу северного происхождения Евангелия № 104.

В — третьих, в слове БЪРВЬНО 67а, 67б редуцированный стоит перед плавным. Данное слово было известно в древнерусском языке в двух формах:¹² БЪРВЬВЬНО и БЪРВЬНО причем исконной формой является первая, которая дала русское литературное слово: бревно. Другой его форме, т. е. БЪРВЬНО в диалектах современного великорусского языка соответствует слово — бервно и берно’.

Слово в данном звуковом облике представляет собой исходную форму существующего в настоящее время в диалектах слова бервно.¹³ БЪРВЬНО кроме Музейного евангелия, встречается также в Архангельском евангелии, Юрьевском и Поликарповом евангелиях.¹⁴

Б. $t\dot{r}t$, $t\dot{t}t$ $t\dot{r}t$ на конце строки, при переносе

Сочетания $t\dot{r}t$, $t\dot{t}t$ в значительном количестве встречаются на конце строки.

Имеющиеся в нашем памятнике случаи написания употребления этих сочетаний при переносе можно разбить на две группы:

- а) строки, оконченные редуцированными гласными,
- б) строки, оконченные плавными.

Рассмотрим эти случаи.

1. Строки, оканчивающиеся на -Ъ

НСПЪ/ЛНИСЯ	14б,	НЗВЪ/ЛЪКЪШЕ	32б,
ТЪ/РЖЬНИКОМЪ	40а,	ДЪ/ЛГЪ	43б,
СКЪ/РБИ	49бъ	НСПЪ/ЛНИСЯ	52а
СКЪ/РБИ	52б,	ИСПЪ/ЛНИТЬ	53а,

11. М. А. Соколова. указ. соч., стр. 111.

12. А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка., Петроград. 1915 г, стр. 158.

13. В. Даль. Толковый словарь русского языка. т. I., стр. 81.

14. А. А. Шахматов, указ. соч., стр. 248.

ОУМЪ/ЛЧАША	97а,	ОУМЪ/ЛЧИТЬ	100б,
ОУМЪ/ЛКНОУТЬ	115а,	СКЪ/РБЕТИ	142,
НСПЪ/ЛНИТЬ	146а,	НСПЪ/ЛНЕНОУ	149а,
МЪ/ЛВА	158б.		

Всего 16 раз.

2. Строки, оканчивающиеся на -Ъ

ПЪ/РСТЪ	6б,	ВЪ/РЖЕТЪ	13а,
ОТВЪ/РЗЕ	23а,	ИСПЪ/ВА	28б,
СЪВЪ/РШЮ	18а,	СЪМЪ/РТИ	19а,
ИСПЪ/РВА	28б,	ВЪВЪ/РГОУТЬ	32а,
ИЗВЪ/ЛЪКЪШЕ	32б,	СКВЪ/РНИТИ	34б,
СКВЪ/РНЯШЯ	35а,	ВЪ/РВИИ	40а,
ИСПРОВЪ/РЖЕ	40б,	ПЪ/РВЫИ	42б,
ЦРЪ/КОВЪНЕМЪ	41,	МЪ/РТВЫХЪ	45а,
ПЪ/РВЫХЪ	49а,	ТЬ/РНИИ	52б,
ДЪ/РЖАТИ	59а,	СКВЪ/РНЯШЯ	60а,
ПЪ/РВОЕ	60б,	ВЪ/РЗИ	63а,
ЖЪ/РНОВЪНЪИ	86а	ЧЪ/РВЪ	98а,
ДЪ/РЗАИ	10б,	МЪ/РТВЫИХЪ	104б,
СЪМЪ/РТИ	110б,	СМЪ/РДИТЬ	126б,
ПЪ/РВОУМОУ	128б,	ПЪ/РСТЪМЪ	132а,
ЦРЪ/КЪВЪЮ	133б,	ВЪВЪ/РЗЕТЕ	135б,
ПЪ/РВЫИ	140б,	СЪВЪ/РШИХЪ	148б,
РАСТЪ/РЗА	151а,	ТЬ/РНИЯ	152б,
ПОВЪ/РГЪ	153а,	ТЬ/РНОВЪ	154б,
СЪВЪ/РШИ	156б.		

Всего 40 раз.

В Евангелии № 104 из 54 случаев при переносе встречается только одно слово, в котором в конце строки стоит буква Ъ и в следующей строке после плавного пишется также буква Ъ : ИЗВЪ/ЛЪКЪШЕ^{32б}.

Б.

1. Строки с плавным r при переносе

СМЪР/ТИ	19а,	ОТВЪР/ЗОСТА	33а,
СКВЪР/НИТЬ	35а,	ТЬР/ПЛЮ	37б,
-СЪР/ДИЮ	43а,	ЖЪР/ТВЪНИКЪМЪ	44б,
ОСКВЪР/НИТИ	59б,	СКВЪР/НИТИ	60а,
ЧЪТВЪР/Т-	62а,	СЪВЪР/ШЕНЪ	67б,
МЪР/ТВИИ	68б,	ПЪР/ВОЕ	73б,
ПЪР/ВОМОУ	85б,	ПЪР/ВЫИ	92б,
ОДЪР/ЖА	97а,	ВЪР/ГОУТЬ	98а,
ДЪР/ЖАШЕ	117б,	ОТВЪР/ЖЕТЪ	123б,
ТЬР/ПЛЮ	123б,	ВЪВЪР/ЗИ	128б,
ОУТВЪР/ДИШИ	139б,	ОУТВЪР/РЖЕ	143б,

Всего 22 раза.

2. Строки с l при переносе

ОУМЪЛ/ЧА	52а,	ПРЕМЪЛ/ЧИ	64а,
НСПЪЛ/НИВЪ	155б, 156б.		

Всего 4 раза.

В исследуемом памятнике сочетания *tъrt*, *tъrt*, *tъlt* встречаются 82 раза на конце строки, причем сочетания в большинстве случаев переносились (56 случаев), так, что на конце строки находились *ъ*, *ь*. В остальных 26 случаях на конце строк находятся *г* и *л*. Написание с плавным на конце строки составляет около 22% встречаемых при переносе написаний типа *tъrt*, *tъlt*.

6. Прежде чем сделать какие-либо выводы из этой особенности графики Музейного евангелия, мы должны кратко рассмотреть особенности конца строки данной рукописи.

Эта категория написаний разделена нами на две группы:

а) написания в заглавиях евангельских чтений;

б) написания в тексте (не в заглавиях).

а) Написания в конце строки при переносе обыкновенно встречаются у имен евангелистов, причем конец строки обозначается точками: то одной точкой, то двумя и значительно реже четырьмя.

ИОАН·12б, МАРК·49б, 50б, 63а, ВТОРНИК·52б, 59а, ЛОУК — с четырьмя точками 62а, ЛОУК·70б, 90а и т. д.

Эти написания не вызывают особых замечаний.

б) Написание при переносе в тексте (не в заглавиях—евангельских чтений) требует большого внимания. Ниже дается перечень их.

И/С . 5а, С/ 27а, 40б, 85, 99а, 106а, 152а,

ВАМ . 59б, П/РО 65а, ВЪС/ПРИЯ 66б,

ЕЛ/МА 76а, ВЪЗ/ГЛАГОЛАША 86б,

ВЪЗ/ВРАТИТЬ 87а, Ж/РЕЪш 83б,

ЖЪР/ЧЪСКЫИ 92а, ВЪС/КРЪСЕНИЮ 92б,

ЯДИМ/ с четырьмя точками 94а, ВЪЗ/МОЖЕТЕ 96б,

ВАМ · 97а, МАР/ФА 126а, МЪРТ/ВЫИХ 128а,

ПРОРОК · под титлом 130а, ВЪЗ/ДРЫДАЕТЕ 147б,

ЗЕМ/ЛИ 149б, ВЪС/ПРИЕМЛЕВЕ 156а,

АЛОН/НО 157б.

Всего 26 случаев. Случаи, где после гласных стоит точка, мы оставляем без внимания.

В других случаях в конце строк стоят следующие буквы: П, С (три раза), З (четыре раза), Ж, Р (два раза), Т, М, Н.

Прежде чем подвести итоги наших наблюдений, мы должны отметить следующее: хотя в Евангелии №104 в конце строк 24 раза встречаются *г*, *л* в сочетаниях *tъrt*, *tъlt*, нет ни одного случая пропуска букв *ъ*, *ь* в сочетаниях типа *trъt*, *tlъt* в конце строки. Во всех 22 случаях при переносе в этих сочетаниях употреблены писцом буквы *Ъ*, *Ь*. Эта особенность орфографии рукописи дает возможность предполагать, что сочетаниях типа *tъrt*, *tъlt* при переносе в пропуске отражено какое-то особое свойство произношения их.

Если мы примем гипотезу В. Н. Сидорова о существовании слоговых вариаций плавных, то предположенную им слоговость плавных можно обнаружить в

Евангелии №104 в написании на конце строки при переносе, если строка окончена на Р, Л, например, *СМЪР/ТИ 19а, ОТВЪР/ЗОСТА 33* и пр.

Продолжение следует.

ИЗ СЛОВАРЯ ЕВАНГЕЛИЯ № 104 РУМЯНЦЕВСКОГО ФОНДА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ СССР ИМ. В. И. ЛЕНИНА

И. Х. ТОТ

Словарь памятников старославянского языка дает возможность сгруппировать и причислить отдельные памятники к определенной группе, характеризующейся одинаковым переводом отдельных греческих слов.

В Евангелии №104 Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (фонд 256) также встречается несколько слов, при помощи которых мы можем точнее определить круг тех памятников, с которыми Евангелие №104 имеет сходство в переводе греческого текста.

Не стремясь к полному анализу, приведем несколько слов из словаря Евангелия №104, указывая на сходство, или отклонение в употреблении определенных слов в памятниках старославянского языка.

1. Слово ГОЛГОФА, как отмечает В. Ягич¹, не переведено во „всех древних текстах” на старославянский язык, а употреблено в них греческое слово Κρανίος, осложненное суффиксом-ЕВ-:КРАНИЕВО МЕСТО.

В Тырновском евангелии в переводе одного из мест евангелия (Мар. 27,33) появляется калька с греческого ГЛАВЬНОЕ МЕСТО. Она известна из Синайского требника, Супрасльской рукописи, Македонского листка². В более поздних памятниках встречается и выражение ЛЬБЬНОЕ МЕСТО, известное требнику.³

Интересно, что Синайский требник расходится с древнейшими памятниками переводом выражения КРАНИЕВО МЕСТО в двух разновидностях, как ГЛАВЬНОЕ МЕСТО И ЛЬБЬНОЕ МЕСТО.

В Евангелии №104 ГОЛГОФА встречается в следующих случаях: Мар. ХУП, 33: ГЛЕМОЕ ЛЬБЬНОЕ МЕСТО 155, Марка ХУ, 22, ГЛАВЬНОЕ МЕСТО 113, ЛЬБЬНОЕ МЕСТО 154, Лука ХІІІ, 33 КРАНИЕВО МЕСТО 119, 156.

Как видно из этих данных в Евангелии №104 встречаются более известные варианты передачи слова ГОЛГОФА.

Выражение КРАНИЕВО МЕСТО кроме Зографского, Маринского евангелии и Саввиной книги встречается в Остромировом и Галицком евангелиях⁴.

1. V. Jagić. Entstehungschichte der kirchenslavischen Sprache Berlin 1913. стр. 312.

2. L. Sadnik und R. Aitzetmüller. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. -s Sravenhage. 1955. стр. 29.

3. L. Sadnik und R. Aitzetmüller Указанная работа стр. 52.

4. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I. 1314.

ГЛАВЬНОЕ МЕСТО встречается в Юрьевском, Мстиславовом евангелиях.⁵ В этих же памятниках встречается и другой перевод этого слова: ЛЬБЬНОЕ МЕСТО.⁶

Таким образом Евангелие №104 имеет сходство в употреблении выражении ГЛАВЬНОЕ МЕСТО и ЛЬБОВНОЕ МЕСТО с Мстиславовым и Юрьевским евангелиями, но отличается от них употреблением характерного для древних текстов выражения КРАНИЕВО МЕСТО, причем интересно, что оно последовательно встречается в евангелии от Луки.

2. Греческое ζῆλον переводилось на старославянский язык словами ДРЬКОЛЬ, ЖРЬДЬ, ЖЬЗЛЬ, ПОСОХЪ.-

В Евангелии №104 исключительно употребление слова ПОСОХЪ Мар. XXVI, 47,55: СЪ ОРОУЖИЕМЪ И ПОСОХЫ 47,55, Марк XIУ, 43: ПОСОХЫ. В этих местах находим слово ПОСОХЫ (Pl. I.) на листах 142б, 143, 111. (2 раза).

Кроме Тырновского евангелия, в Архангельском, Мстиславовом, Добриловом евангелиях также исключительно употребляется слово ПОСОХЪ и отсутствует слово ДРЬКОЛЬ, но оно появляется в Остромировом евангелии.⁸

Таким образом, в употреблении слова ПОСОХЪ Евангелие №104 совпадает с памятниками южнорусского, киевского происхождения. (исключение представляет Тырновское евангелие).

3. Греческое выражение πνεῦμα πρότιμον как, на это в свое время указал А. Х. Востоков⁹, переводится в Евангелии №104 выражением: ДХЪ ПРЕДЪ—МЫСЛИВЪ (Мар. XXVI, 41) 142. Вслед за А. Х. Востоковым, И. И. Срезневский в своем словаре цитирует это прилагательное из Евангелия №104. Но названное греческое выражение переведено подобным образом прилагательным ПРЕДЪ—МЫСЛИВЪ еще в другом памятнике очень раннего происхождения переписанного юге древней Руси, в Архангельском евангелии, 1092 г.¹⁰

Как видно из употребления слов ПОСОХЪ и ПРЕДЪМЫСЛИВЪ (и в частности ЛЬБЬНОЕ МЕСТО и ГЛАВЬНОЕ МЕСТО) Евангелие №104 имеет сходство в переводе с древними памятниками южного происхождения. Особенно сходно оно в употреблении прилагательного ПРЕДЪМЫСЛИВЪ с Архангельским евангелием.

Евангелие №104 характеризуется меной букв ц и ч, указывающей на его северное происхождение: ВЪТОРИЧЕЮ 4б, 6, 17, КОУПЬЧЮ 32б и пр.

Если мы придаем значение указанным выше особенностям словаря рукописи, которые совпадают с особенностями памятника южного происхождения, можно предполагать, что исследуемая рукопись переписывалась с протографа южного происхождения. Но противоречием нашей рабочей гипотезе будет тот факт, что в названных памятниках-как нам известно-выражение КРАНИЕВО МЕСТО не обнаружено, а в Евангелии №104 оно налицо.

5. И. И. Срезневский. Материалы . . . Т. I. 515

6. И. И. Срезневский. Материалы . . . Т. II 60.

7. V. Jagić' указанная работа стр. 348.

8. М. А. Соколова. К истории русского языка в XIв. ИРЯС. III стр. 131.

9. А. Х. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея Спб. 1842. №СIV.

10. М. А. Соколова. Указанная работа стр. 130.

Этот факт заставляет нас внимательнее отнестись к гипотезе южнорусского протографа, или предполагать, что гипотетический южнорусский протограф по словарю не был единым, а нем имелись разные слои.

О связи с южнорусскими рукописями свидетельствует орнамент изучаемого памятника, имеющий сходство с орнаментом Юрьевского и Добрилова евангелий, как это было определено Ф. И. Буслаевым.¹¹

Надо подчеркнуть, что наши выводы не выходят из рамок рабочей гипотезы, ведь мы знаем, что только всесторонний анализ словаря может пролить свет на редакцию памятника.

4. Из особенностей словаря мы еще должны обратить внимание на одно слово, отличающееся своим звуковым обликом: слово ОУЗА встречается с протетическим В : ВОУЗА ЕГО ЯЗЫКА 133б. По словарю И. И. Срезневского слово в данном звуковом облике раньше всего встречается в Никоновых Пандектах 129бг.¹² На основе материала нашей рукописи мы можем утверждать, что ВОУЗА встречается в Евангелии №104, написанном в конце XII или в начале XIII века.

---

11. Ф. И. Буслаев. Русское искусство в оценке французского ученого. Критическое обозрение. 1897. №№2 и 5.

12. И. И. Срезневский. Материалы. I. 322.

О ПРОТИВОПОЛОЖНЫХ ЗНАЧЕНИЯХ ОДНОГО И ТОГО ЖЕ СЛОВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

И. ПЕТЕ

Все смысловые единицы языка (предложения, словосочетания, слова и морфемы) могут быть многозначными. Многозначные значения этих смысловых единиц по смыслу могут быть и противоположны в отношении друг к другу¹.

Среди *предложений* в первую очередь некоторые *восклицательные* предложения, служащие для выражения эмоциональной стороны речи, могут выражать противоположные значения. Так, например: *Какая погода!* — в зависимости от интонации и ситуации может обозначать „Какая прекрасная погода!“ и „Какая неприятная погода!“² Анализом подобных типов предложений подробно занимается Д. Н. Шмелев в статье „Экспрессивно-ироническое выражение отрицания“³. В таких предложениях иногда отдельные слова тоже могут приобрести противоположный смысл. Например: *Умный ты человек!*

Некоторые *словосочетания* от глагольного существительного со значением *potina actionis* родительным падежом существительных, обозначающих лиц, можно воспринимать с одной стороны как словосочетания со значением *субъекта*, а с другой стороны, как словосочетания со значением *объекта*. Например: *чтение Маяковского* может иметь значения „Маяковский читает“ и „Маяковского читают“. Как видно, соответствующие им глагольные словосочетания со значением объекта и субъекта уже расходятся по форме.

Словосочетания типа *смотреть в окно* могут обозначать двоякую направленность действия. Ср., например: „Клюет и бросает и *смотрит в окно* . . .“ (Пушкин, Узник) и „Он сидит в комнате и *смотрит в окно*“. (В первом случае орел находится вне дома, а в другом человек сидит внутри дома и словосочетание можно преобразовать в словосочетание *смотрит из окна*). Нужно отметить, что в таких случаях глаголы не имеют приставки. Подобные словосочетания с приставочными глаголами уже не могут иметь противоположного смысла. Напр.: *В одно ухо вошло, в другое вышло*.

Редко имеются такие случаи, когда один и тот же *аффикс* вносит противоположные значения в семантику слов. Для примера можно привести префикс *по-* при сравнительной степени, который „ . . . вносит добавочное значение смягчения или усиления преобладания качества“⁴. И. Юхас в статье „Форма сравнительной степени с приставкой *по-* в современном русском литературном языке“

1. Al. Graur. *Studii de Lingvistică Generală*. 1960, Bucuresti, 112-117 old.

2. А. Н. Гвоздев. Современный русский язык. II, 1958, стр. 47.

3. „Вопросы языкознания“. 1958/6, стр. 63—75.

4. Современный русский язык. МГУ, 1952, стр. 114, Морфология.

устанавливает, что приставочные формы в компаративных¹¹ конструкциях выступают с оттенком несколько *смягченной* степени преобладания качества. Сравнительная степень с приставкой *по-* может выражать оттенок *усиления* степени или предельно высокую степень качества при ее *безотносительном* употреблении, если она выступает в предложении в роли обстоятельства образа действия при сказуемом, выражающем *долженствование*, *сильное желание*, *стремление*, *намерение* и т. д. и чаще всего у форм *поскорее*, *почаще*, *побыстрее*, *подальше*. В этих случаях сильная экспрессивная окрашенность, семантика основ, контекст также способствуют таким смысловым сдвигам.⁵

В лексической системе каждого языка слова объединяются друг с другом и по противоположным значениям в пары, которые называются антонимами. Парные соотносительные слова возникают в процессе постоянного соотношения этих понятий друг с другом. В нашем мозгу имеются логические противоположности, такие понятия, одно из которых всегда может вызвать другое на основе соотношения предметов и явлений в жизни. Парные слова, связанные антонимическими отношениями, ориентируют свое смысловое развитие друг на друга. Для иллюстрации у В. А. Звегинцева находим следующий пример: *крепкий* в переносном смысле начинает применяться для характеристики качества определенных продуктов — *крепкий чай*, *крепкое вино*, *крепкий табак*, то и его антоними *слабый* также приобретает соответствующее значение — *слабый чай*, *слабое вино*, *слабый табак*⁶. Однако Е. М. Галкина-Федорук указывает, что антонимичные слова различны по своей способности вступать в словосочетания (*усталое лицо* имеет антоним *бодрый вид*, а не *бодрое лицо*, но *усталый человек* — *бодрый человек*) и многие слова, отдельно взятые, не имеют антонимического им слова (*скромный* и *шумный*, например, только в словосочетании могут быть антонимичными: Эта пьеса имела *шумный успех* | весьма *скромный успех*).⁷

Антонимы могут быть как *разнокорневыми*, так и *однокорневыми*. (Л. А. Булаховский считает антонимами лишь противопоставления, выраженные различными корнями⁸). В однокорневых антонимах их противоположные значения объясняются не противопоставлением корней, которые у них одинаковы, а противопоставлением присоединяющихся к ним префиксов: *по дземный* - *на дземный*⁹. Имеются случаи, когда однокорневые слова пространственного значения в одних частях речи антонимичные (*низкий-высокий*), в других частях речи антонимичными не являются (*высота* — *низина*)¹⁰.

Антонимы выражают полярность понятий. Простые противопоставления, которые выражаются *прибавлением отрицания* вообще не выражают полярности. Они являются переходными, промежуточными понятиями между полярными. Ср., напр.: *большой* — *небольшой* — *маленький*, *спокойный* — *беспокойный* — *тревожный* и *прошлое* — *настоящее* — *будущее*. Однако следует отметить, что противопоставления с отрицанием не всегда выражают переходность между по-

5. „Studia slavica“, Вр., 1958/4, Fas. 1-2, 104., 107. ol.

6. В. А. Звегинцев. Проблема знаковости языка. М., 1956, стр. 17.

7. Е. М. Галкина-Федорук. Современный русский язык, Лексика, 1954, стр. 71—72.

8. Л. А. Булаховский. Введение в языкознание. М., 1953, стр. 45.

9. Н. М. Шанский. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М., 1959, стр. 165.

10. Е. М. Галкина-Федорук. Упомянутая книга, стр. 71.

лярными понятиями (белый — не-белый, говорить — не-говорить¹¹) и имеются такие случаи, когда противоположения с отрицательной частицей могут выражать и полярность понятий (*известный — неизвестный*, промежуточное — *малоизвестный*). По Л. Ю. Максимову образовывать антонимы при помощи приставки *не* могут только собственно качественные прилагательные (*терпеливый — нетерпеливый*), не имеющие лексические антонимы. Такие антонимы имеют краткие формы и формы сравнительной степени (Он *нетерпеливее* меня). Однако отношения полных и кратких прилагательных к *не* не тождественны. У тех кратких форм, которые обособились от соответствующих полных прилагательных, качественная антонимия нарушается.¹²

В связи с антонимами возникает проблема, могут ли быть антонимичными различные значения внутри одного и того же слова или же генетически то же самое слово с противоположными значениями надо считать уже омонимами?

По Р. А. Будагову антонимичными могут быть не только слова, но и различные значения внутри одного и того же слова¹³. По Н. М. Шанскому же слова, в которых развивается противоположная семантика, уже представляют собой одну из разновидностей омонимов, возникших в результате расхождения значений одного и того же слова до полярных¹⁴. О. С. Ахманова, говоря о природе омонимов, тоже поднимает эту проблему: „Как следует трактовать такие случаи, как *снести* „соединить в одном месте“ и *снести* „срезать, срубить, сломать, разрушить...“?“¹⁵

Сразу видно, что мы здесь сталкиваемся с вопросом о разграничении полисемии и омонимии. При решении этой проблемы нам грозят две большие опасности искусственного объединения под одним звуковым комплексом нескольких разных слов и не менее искусственного разделения одного слова на омонимы вследствие недостаточно глубокого изучения его лексико-фразеологических и лексико-семантических особенностей. Трудность представляет тут то обстоятельство в языкознании, что конкретные принципы разграничения полисемии и омонимии еще далеко не разработаны. Откуда следуют непоследовательности и разногласия в этом вопросе. По О. С. Ахмановой и по материалам дискуссии по вопросам омонимии главной опасностью ныне становится искусственное разделение слов на омонимы при отсутствии достаточных для этого объективных данных¹⁶.

О. С. Ахманова в своей вышеупомянутой книге и выступавшие на дискуссии по вопросам омонимии не раз подчеркивали, что при решении вопроса: связаны ли внутренне содержания слов или нет, очень важно исследовать синтаксические, морфологические и фразеологические особенности соответствующих слов, хотя их наличие или отсутствие, при всей важности, не могут служить главным или основным критерием. В очень большом количестве случаев морфологичес-

11. И. В. Дмитриевская. К вопросу о противоречащих и противоположных понятиях. Сб. „Логико-грамматические очерки“. М., 1961, стр. 67—68.
12. Л. Ю. Максимов. Частица „не“ и приставка „не“ с краткими прилагательными. „Русский язык в школе“, 1957/2, стр. 8, 10, 17.
13. Р. А. Будагов. Очерки по языкознанию. М., 1953, стр. 38.
14. Н. М. Шанский. Упомянутая книга, стр. 165.
15. О. С. Ахманова. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957, стр. 105.
16. О. С. Ахманова. Указанная книга, стр. 107 и Материалы дискуссии по вопросам омонимии. „Лексикографический сборник“, Вып. IV. 1960, Москва.

кие и синтаксические показатели отсутствуют. Поэтому многие исследователи, как напр. *Ф. П. Филин* пришли к выводу, что „единственным критерием в определении омонимов, отвечающим самой природе омонимии, является критерий семантический”¹⁷. Часть исследователей стремится разграничить полисемию и омонимию на основе *семантической с и с т е м ы* слова. На основе этого критерия *Виноградов Булаховский, Ахманова* и др. ищут разграничительный принцип в современных результатах истории семантического развития слов, а *В. И. Абеас* и др. в исходных пунктах этой истории, отвергая перерастание первичной полисемии в омонимию. Но установить и раскрыть *систему* значений в слове, как указывает на это *А. М. Бабкин*, не так просто и весьма часто оказывается возможным показать в слове лишь сумму значений¹⁸. В процессе исторического развития то или иное значение может выпадать из системы того или другого слова, но это еще не является поводом для дробления слова на омонимы. Следовательно, „системность” значений слова не является достоверным критерием для разграничения полисемии и омонимии. Разграничение омонимии и полисемии на основе *разрыва семантических связей* также очень трудно, именно понятие „семантическая связь” само по себе чрезвычайно неопределенно, ведь, как *Булаховский* и др. указывают на это, и антонимы предполагают наличие сходства, общности в своих значениях в каком-то отношении.¹⁹ Принимая все это во внимание, наиболее целесообразным является разграничение омонимии и полисемии на основе изучения *синхронической лексической системы* о б щ е н а р о д н о г о я з ы к а, предполагая при этом, что данная система является процессом исторического развития²⁰.

1. Семантическая система индоевропейских языков допускает наличие противоположных значений внутри одного и того же слова. В *латинском* языке, например, *altus* имеет значение „высокий” и „глубокий”, *tollere* „поднимать, возвышать” и „устранять, уничтожать”, *facinus* „благородный поступок” и „злодейство, преступление”, *sacer* „святой, почтительный” и „проклятый, ненавистный”, *solemnis* „обычный, привычный” и „торжественный”, *tempestatas* „хорошая погода, и „плохая погода, гроза”; в *немецком* языке *aufheben* „упразднить, снимать” и „сохранить, сберегать”, *übersehen* „обозревать, окидывать взглядом” и „пропускать, не замечать”; в *английском* языке *to commit* имеет значение „поручать, вверять” и „компрометировать, совершать что-л. дурное” во *французском* языке *milieu* „середина, средняя часть” и „среда, окружение”; в *итальянском* языке *bravo* „разбойник, бандит” и „молодец”; в *болгарском*; языке предлог *из* имеет почти противоположные значения — ср. *излизам из стаята* „выхожу из комнаты” и *Аз често разхождам из София* „Я часто гуляю по Софии”.

2. Слова, которые ныне противоположны по значению и различаются друг от друга по звучанию, этимологически могут быть тождественными. В таких случаях антонимы появились в результате п о л я р и з а ц и и значений, т. е. расщепления прежнего нейтрального значения на два противоположных²¹.

17. Ф. П. Филин. Выступление на дискуссии. Указанный сборник. стр. 59.

18. А. М. Бабкин. Выступление по вопросам омонимии. Указ. сб. стр. 77.

19. Л. А. Булаховский. Упомянутая книга, стр. 44.

20. См. Л. А. Новиков. К проблеме омонимии. Указ. сб. стр. 93.

21. А. А. Реформатский. Введение в языкознание. М., 1960, стр. 73.

а) Поляризация значений чаще всего бывает при параллельном развитии тех же слов или корней в *родственных языках*. Для таких видов поляризации значений примеры можно найти в рукописном пособии *Й. Бихари* и в статье *Ю. Г. Скиба*²². Так, напр., лат. *hostis* („чужеземец”, позднее и „враг”) и русское *гость* немецкое *Gast* английское *guest* с этимологической точки зрения являются одним и тем же словом. Латинское *pravus* „превратный, негодный” и русское *бравый*, немецкое *brav* этимологически тоже имеют общий корень. Русским словам *запомнить* „сохранять в памяти” и *запоматовать* „забыть” соответствуют в польском языке слова с противоположными значениями: *zapominać* „забывать” и *zapamiętować* „запомнить”; в чешском *zapomenouti* имеет значение „забыть”. Русскому *чёрствый* „засохший и твердый” соответствует чешское *seřstvý* „свежий”. Русскому *уродливый* „некрасивый, безобразный” в украинском соответствует *вродливый*, имеющее значение „красивый”; в русском *урод* „некрасивый человек”, в польском же *uroda* „красота”.

б) Развитие противоположных значений можно наблюдать и в *неродственных языках* в заимствованных словах. Так, например, славянское заимствованное слово *ragip* в венгерском языке имеет значение „скакун” (*ragipa*), в польском языке же соответствующее ему слово *ragera* означает „кляча”²³. Или же венгерское слово *príbék* „палач, помощник палачей” заимствовано от славянского *prǐbег, имеющее значение „беглец”²⁴ — ср. р. *прибегать*.

в) Поляризация значений может проявляться и в *пределах одного языка*, обычно в сопровождении изменения внешней оболочки слов посредством присоединения морфем или звуковых чередований. Так антонимы *конец* и *начало* происходят от одного корня *kon // *ken. В говорах и родственных словах русского языка и в других славянских языках корень *кон-* известен в значениях „конец” и „начало”. Ср., напр., сербское *ad kона do kона* „с начала до конца”²⁵. Также, общий корень имеют этимологические слова *клясться* „давать клятву” и *клясть* „проклинать” (в венгерском слова *áld* „благословлять” и *átkoz* „проклинать” исторически тоже имеют общий корень), *беда* и *победа*, *торопиться* и *оторопеть*.

3. Историческое развитие значений в слове может привести к появлению в нем противоположных значений и *при сохранении одинаковости их звучаний*.

а) В части таких слов появление противоположного значения сопровождается одновременной *утратой* или же непродолжительным сохранением старого значения. Так, напр., первоначальное значение слова *пресловутый* „знаменитый” употребляется без иронического оттенка и этимологически связано с корнями слов „слыть” — „слово” — „слава”. В современном же русском языке это слово имеет отрицательное, ироническое значение. Ср.: „Там, где горы, убегая в светлой тянутся дали, *пресловутого Дуная* льются вечно струи” (Тютчев) и

22. Dr. Bihari József, Bevezetés a russzisztikába. Kézirat, 1961. /Вр/. Tankönyvkiadó, 223-226. ол. Ю. Г. Скиба, К вопросу о т. н. антонимической омонимии в славянских языках. „Наук. зап. Чернівецьк. ун-ту, 31, Серия филол. наук, Вип. 7, 1958, стр. 165—168.

23. Sulán Béla, Jelentéstanijegyzetek. Acta Universitatis Debreceniensis, Tom. VII/1, 1961, Debrecen, 119-130. ол.

24. Kniezsa István. A magyar nyelv szláv jövevényszavai. I rész. Budapest. 1955 116. ол.

25. См. подробно об этом в РЯШ, 1958/3, стр. 120—121.

„пресловутая конференция по разоружению”. (Интересно отметить, что в венгерском языке подобное изменение произошло в значении слова *hirhéd* (*hirhédett*), которое ныне имеет значение „пользующийся дурной славой” и устарелое значение „знаменитый”). Слово *честить* связано по образованию с „честь” и первоначально имело то же значение, что *чить*. Ныне оно употребляется только иронически. Ср.: „Всяк *честит* Бога по своему” (Даль) и „Его „*клепменым, каторжным*” *честил* родной сынок” (Некрасов). Прилагательное *бесценный* имеет устарелое значение „малоценный”. Ср.: *бесценная посылка* и *бесценные сокровища*. (Существительное *бесценность* и ныне имеет противоположные значения: „высокая ценность чего-л.” и „отсутствие ценности”). Прилагательное *благой* тоже имеет два противоположных значения, одно из которых устарелое („хороший” „приятный”), а другое диалектное („плохой”, „злой”). Ср.: *благие намерения*, „Неожиданные происшествия, имевшие важные влияния на всю мою жизнь, дали вдруг моей душе сильное и *благое потрясение* (А. С. Пушкин, Капитанская дочка) и *Благая муха* его укусила.

б) Бывают случаи, когда в слове при развитии противоположной семантики сохраняется и старое значение. По Н. М. Шанскому появление в слове противоположного значения, как правило, сопровождается одновременной утратой старого значения. Но в дальнейшем и Шанскому самому становится очевидным, что утрата старого значения не может быть правилом в том случае, когда слова с противоположными значениями „представляют собой уже не антонимы, а одну из разновидностей омонимов, возникших в результате расхождения значений одного и того же слова до полярных . . . и поэтому в определении антонимов необходимо внести обязательно указание на их различную отгласовку”,²⁶

Нижеследующие примеры показывают, что в большинстве таких случаев еще нельзя говорить об омонимах, ведь существует внутренняя связь между противоположными значениями, которые чаще всего обусловлены контекстом, как многозначность слова и такие многозначные слова вовсе не чужды лексической системе русского языка, несмотря на скромное место, занимаемое ими в ней. В современном русском языке они наблюдаются в следующих случаях:

1. Одно слово может обозначать противопоставления в пространственном или временном отношении вследствие условности рассмотрения направлений в пространстве, продолжительности во времени. Напр.: *висеть* „*Люстра висит под потолком*” (прикрепленная наверху) и „*Утёс висит над морем*” (прикрепленный внизу); *сидеться* — *сесть* „*Он сел на постель*” (Он был в стоячем положении) и „*Он бросил с себя одеяло и сел в постели* (Он был в лежачем положении); *увал* „*крутой склон*” („*Дом стоит на увале*”) и „*ухаб, выбоина на дороге*”; *пучина* „*водоворот, провал в болоте*” и „*частичное поднятие полотна дороги* (технич.).

2. Противоположность в значении некоторых *переходных* глаголов зависит от влияющих существительного, на которое направляется действие, выраженное этим глаголом. Так, напр., *задувать* имеет значение „гасить”, если сочетается с таким словом, которое задувание гасит и „заставлять гореть”, если это действие переходит на такой предмет, который задувка разжигает. Ср.: „*А чтоб в хмел не сделать мне пожару, Так я свечу совсем задул*” (Крылов, Два мужика) и „*В*

26. Н. М. Шанский. Указ. книга, стр. 165.

конце июня строители восстановили теплоцентраль и задули дымну“ (Полторацкий, Запорожье). Глагол *оставить* может иметь значения „сохранить“ и „прекратить“. Ср.: *Оставить хлеба на ужин* и *Оставьте этот разговор*.

3. Результат действия может быть противоположным в зависимости от его производителя. Напр.: *выстояться* „потерять первоначальное качество — вкус, запах, свежесть — от времени, и „приобрести какие-л. положительные качества — крепость, пригодность для чего-л.: *Уксус выстоялся* и *Вино выстоялось* и *стало* крепче и вкуснее“; *лезть* „проникать куда-л.“ и „выпадать“: *Лезть на дерево* и *Волосы лезут*.

4. Приставки и предлоги в славянских языках в большинстве случаев связаны по своему происхождению. Многозначность предлогов часто проявляется в употреблении с разными падежами. В приставках же эти разные предложные значения часто сохраняются, кроме того на значение приставок может оказывать влияние и семантика глагольной основы. В зависимости от таких обстоятельств и от направленности глагольного действия в семантике глагола могут быть противоположные значения. В предлогах разным значениям могут соответствовать разные падежные формы, а в приставочных глаголах разные значения могут привести к одновидовости, непреходности глагола. Так, напр., глагол *свести* имеет значения „удалить, вывести что-н.“ и „сблизить, соединить с конца чего-л.“. В первом случае приставка *с-* связана с предлогом *с* + род. пад., а во втором — с предлогом *с* + твор. падеж. Ср.: *Свести лошадь с дороги* и *Свести дружбу с кем-н.*, *Свести сучья дерева*; *сдвинуть* „двигая, свалить куда-н.“ и „двигая приблизить одно к другому, соединить вместе“: „*Илья Муромец гору в Оку сдвинул*“ (Даль) и *Сдвинуть столы*; *скидать* „сложить в одно место“ и „сбросить“: *Скидать камни в кучу* и *Скидать снег с крыши*; *сколоть* „отделить слой, кусок чего-н.“ и „соединить вместе“: *Сколоть лёд с тротуара* и *Сколоть ленты булавками* и др.

Глаголы с приставкой могут иметь противоположные значения и в том случае если приставки не связаны с предлогами, употребляющимися с многими падежами. В первую очередь глаголы с приставками *от-*, *про-* и *у-* могут иметь противоположные значения. Вот некоторые примеры: *отплатить* „отблагодарить“ и „отомстить“; *отпереться* — ср. *Дверь отперлась* и *Он отпёрся ото всего, что говорили*; *прослушать* „выслушать от начала до конца“ и „слушая, пропустить мимо ушей“, *простеречь* — ср. *Мальчишки всю ночь простерегли лошадей*“ и „*Уснул пастух* и *простерёг* половину стада; *убрать* — ср. *Убрать посуду со стола* и *Убрать комнату цветами*.

Глаголы, обозначающие действие, могут обозначать противоположные направления глагольного действия, отвечающие на вопросы „откуда-н.?“ и „куда-н.?“ В таких случаях приставки вообще имеют значение „удаления“ и удаляющееся движение приближается и к чему-н. Ср., напр.: *Сталкивать кого-н. со стула* и *Сталкивать лодку в воду*. Такие случаи редки, когда приставка обозначает приближение и может обозначать и удаление. Напр.: *Он подвинулся ко мне*“ и *Подвинься, я сяду рядом*.

5. Противоположные производители могут вызвать сходные ощущения. Напр.: *Солнце жжёт лицо* и *Мороз жжёт лицо*.

6. Имеются такие сложные слова, в которых противоположные по значению компоненты обозначают видовые понятия и целое слово выражает родовое понятие. Напр.: *экспорт-импорт*, *купля-продажа*, *приход-расход*, *приёмка-выдача* и др.

7. Сравнительно легко могут проявиться противоположные значения в тех словах, в которых признаком, положенным в основу называния, является экспрессия. В семантике некоторых качественных слов, обозначающих положительные качества, может развиваться негативное значение. В жизни часто встречается, что какое-то качество дойдя до крайности, может вызвать уже отвратительное чувство. Так *дерзкий* имеет значения „вызывающе смелый“ и „непочтительный, грубый“; *отчаянный* „крайне, до безрассудства смелый“ и „очень плохой“ — *отчаянное сопротивление* и *отчаянное поведение*; *привязчивый* „склонный к чувству привязанности“ и „надоедливый, назойливый,“; *красавчик* „красавец“ и „франт, щеголь“.

Сюда же можно причислить и те случаи, когда слова, обозначающие отношение к какому-л. коллективу, на основе отрицательных свойств этого коллектива приобретают негативную стилистическую окраску. Напр.: *иезуит* „монах“ и „двуличный человек“; *башибузук* „солдат иррегулярных частей турецкого войска“ и „разбойник“, *фокусник* „специалист по фокусам“ и „капризник“.

8. Междометия особенно легко можно употреблять для выражения противоположных чувств и эмоций. При этом интонация играет большую роль. Междометие *ах* напр., может выражать восхищение (*Ах как красиво!*) и испуг (*Я пришёл тебе сказать, что меня теперь ищут... Ах! — вскрикнула Соня испуганно.* (Достоевский))

В связи с приведенным здесь материалом возникает проблема: можно ли применить к ним критерии антонимов?

В. Н. Комиссаров указывает, что об антонимах можно говорить только в том случае, если а) противопоставленность становится элементом значения слова, независимым от конкретного контекста; б) слова-антонимы регулярно воспроизводятся в речи в противопоставлении друг другу; в) слова-антонимы обладают в общем одинаковой сферой лексической сочетаемости.²⁷ Эти критерии антонимов нельзя применить к большинству нашего материала. Антонимы выражают полярность понятий. Полярность их создается в результате наиболее удаленных друг от друга признаков. В большей части наших примеров, приведенных из современного языка, противоположность в значении одного слова проявляется не в полярности основных признаков значения слова, а часто в полярности несущественных признаков или же в стилистической окраске разных значений. Экспрессивность особенно сильно способствует проявлению противоположного смысла. Кроме того, проявление противоположных значений в этих словах, как правило, зависит от контекста, от влияния сочетающегося слова, от обстоятельств, в которых протекает действие и этим они уже отличаются от настоящих антонимов. Они часто сочетаются не с одним и тем же кругом слов. Можно сказать, что появление в слове противоположного значения сопровождается *утратой старого значения* — о котором говорил Н. М. Шанский „как правило“ — в том случае, если слова имеют одинаковую сферу употребления, приблизительно одинаковые возможности сочетаемости с другими словами. В этих случаях уже нет достаточных критериев в языке для разграничения противоположных значений таких слов. Поэтому не является случайным, что большинство слов с устаревшим противоположным значением являются прилагательными. Но нельзя отри-

²⁷ В. Н. Комиссаров. Проблема определения антонимов. ВЯ, 1957/2, стр. 49—58.

цать тот факт, что в лексической системе русского языка имеются слова, в семантике которых наблюдается *тенденция* к развитию противоположных значений. Эта тенденция внутри значений одного и того же слова может дойти до поллярности в разных родственных языках и в неродственных языках при заимствовании. В этих случаях разные языковые системы не мешают пониманию в человеческом общении.

Остался еще для выяснения один вопрос. Именно, можно ли говорить о разрыве противоположных значений одного слова и о возникновении таким путем омонимов? Не отрицая существование таких возможностей, мы пришли к выводу, что в большинстве вышеперечисленных примеров тенденция к развитию противоположных значений еще не достигла такой степени, чтобы мы не говорили о *многозначности* таких слов. Семантическое единство слова в этих случаях вообще не нарушается или же поддерживается семантической системой *всего* языка. Между противоположными значениями часто имеются и „переходные” значения. (См. значения *просмотреть*).

ZO SLOVNÍKA KONDOROŠSKÉHO SLOVENSKEHO NÁREČIA

P. SONKOLY

1. Vyskum slovnej zásoby jazyka je pekná, zaujímavá a dôležitá úloha. Väčšina jazykovedcov, ktorí sa zaoberajú dejinami jazyka, najčastejšie sa uspokojia s tým, že opisujú historicky foneticky alebo morfológicky stav študovaného jazyka alebo nárečia. Ak sa aj nájde slovník v prácach, opisujúcich dejiny nárečia, tento slovník má obyčajne iba sekundárnu úlohu: ilustrovať hodnovernosť toho, čo tvrdí autor.

Samozrejme nehovorí sa o tom, že nie je potrebné skúmať i slovnú zásobu, ale je menej prác tohoto charakteru, ako práce, zaoberajúce sa fonetickými a morfológickými stránkami nárečí. V posledných rokoch objavujú sa aj práce, v ktorých bádanie sa dopĺňa lexikálnym výskumom. Takýto výskum môžeme prijať za skutočne správny, veď najstaršie prvky jazyka, medzi nimi aj niektoré prvky slovnej zásoby, uchovávaajú sa najdlhšie a najmenšími zmenami v nárečiach. Teda, kto chce mať skutočný obraz o dejinách nárečia ako časti jazyka, ten musí skúmať aj oblasť jeho slovnej zásoby.

2. Spoločensky vývoj a rozmach techniky čiastočne obľahčuje ale čiastočne aj zťažuje zbieranie lexikálneho materiálu. Obľahčí sa úloha tým, že bádateľ môže používať napr. magnetofon. Ale skúmateľa čaká aj taká ťažkosť, že jazykové prvky stále prechádzajú zo spisovného jazyka do slovnej zásoby nárečí a vytlačujú staré nárečové výrazy a slová. Socialistická kultúra, moderné stroje v práci a i. stále vytlačujú staré názvy z väčšiny oblastí činnosti človeka. Tratia sa staré veci a objavujú sa nové. S novými veľmi objavujú sa aj nové pojmy, ktoré treba pomenovať. Ale pre označenia nových pojmov potrebujú sa aj nové slová, ktoré prechádzajú i do nárečí; z druhej stránky staré slová — aspoň časom — sa zabúďajú. Zo zreteľom na to, že spoločensky, hospodársky a technicky vývoj je stály, možno povedať, že nie je bezzákladná obava, že staré slová a výrazy môžu vymrieť bez stopy, ak sa nezozbierajú.

3. Prácou zozbieraním nárečových slov a výrazov na slovenskom jazykovom území sa zaoberá skupina jazykovedcov Slovenskej akadémie vied, ktorým pomáhajú mnohí učitelia a pedagógovia. O slovenských nárečiach v Maďarskej ľudovej republike v posledných rokoch boli vytlačené niektoré cenné práce (napr. práca J. Štolca¹, P. Ondruša², I. Siposa).

Bohužiaľ, málo je takých prác, ktoré by opisovali *ten slovnú zásobu* slovenských nárečí v Maďarsku. Najviac zozbieraných slov podáva práca K. Palkoviča „Z vecného slovníka Slovákov v Maďarsku“ (Jazykovedné štúdie II, Bratislava, 1957.). Poznámam ešte, že v posledných rokoch slovenským nárečím békéšskej stolice sa zaoberali P. Ondrus i P. Király.

Väčšina prvkov kondoroškého slovenského nárečia je juhostredoslovenského pôvodu. O tomto svedčia už vytlačené práce, zaoberajúce sa i touto otázkou, a potvrdzuje to material, pochádzajúci z juhostredoslovenských nárečí Slovenska a nachádzajúci sa v archíve dialektologicko-historického oddelenia ÚJS SAV. Keď aj nie je možné úplne presne vidieť priebeh presťahovania sa Slovákov do Maďarska na začiatku XVIII.-ho storočia, jazykové prvky kondoroškého slovenského nárečia však bezpochybne svedčia o tom, že ich pôvod musíme hľadať na južných priestoroch stredoslovenského nárečia. Samozrejme kondorošké nárečie nie je úplne zhodné vo všetkom so žiadnym variantom stredoslovenských nárečí. Veď geograficky pôvod nášho nárečia nemožno celkom presne zistiť; okrem toho jazykové prvky, ktoré sa dostali do maďarského prostredia, mohli sa dôkladne zmeniť za 250 rokov. Práve tento posledný fakt mohol by nám vysvetliť okolnosť, že mnohé slová kondoroškého nárečia sa nevyskytujú v zostavanom materiáli lexikografického oddelenia ÚJS SAV.

Väčšina vyrazov a slov kondoroškého nárečia sa nachádza aj na južnom Slovensku. Napr. slovo *klinouňník*, *uterák* sa vyskytuje vo zvolensko-novohradskom nárečí; slovo *homok* 'piesok' — vo mnohých južných okresoch; variant slova *polka*, *polke*, *puolke*, 'Ribes grossulária' iba v dvoch juhostredoslovenských stoliciach: v Novohradskej a Zvolenskej. Slová *čachor* 'oselník', *čajsi* 'asi', *garád* 'priekopa', *jesto*, *ňinto*, *havránka*, *slaníčka*, *obodza* a iné sa vyskytujú najmä v južných stoliciach Slovenska.

Pôvod druhej časti slovenských vyrazov nášho nárečia sa musí hľadať v Liptovskej, Tekovskej, Gemerskej stolici a v dolnej Orave, teda tiež na južných priestoroch stredoslovenského nárečia.

V slovnej zásobe kondoroškého nárečia je dosť mnoho cudzích slov prevzatých predovšetkým z maďarčiny. Tá okolnosť, že Slováci žili veľmi dlho v maďarskom jazykovom prostredí, má za následok, že sa vyvinul kolektívny a dokonaly bilingvizmus. Preto je možné, že Slováci ľahko menia jednu reč druhou, alebo v slovenskej reči často používajú maďarské slová a v maďarskej reči slovenské slová. Tunajší Slováci dobre znajú maďarčinu, inak by nemohli používať maďarské slová správne a vždy na vhodných miestach. Obyvateľstvo maďarského pôvodu tiež správne hovorí po slovensky.

V slovenskej reči dedičanov často počuť také vety, ako napr. — *Id'erne do sétakerti.* — *Napísali mi segénségi bizonítváñ.* — *Pret tímto ñeboli tieto pergeló mašini.* — *A ja som bóu huncut, ždi som vihutuvau voľačo.* — *Apa árenduvali štiri ujeróu zemi, a zem bola eniho šusterova sarvaskiho.* — *Bóu som aj fogo! voveñe s tisti, a mali zme aj eniho sázadoša.* — *Keď clovek ñefojtatuje, tag zabudñe šecko.* — *Vom je támvo ako kočíš f čoporté, má veľa etšígóu.* — *Chodilo aj naše d'íouča na napsám.* — *Mliečnik je zakvačení na keritési.*

Ale aj v maďarskej reči veľa raz počujeme takéto vyzazy: — *Ne zavadzálj!* — *Cvikot vertem a kapanyélbe.* — *Kravákat voltam legeltetni.* — *Járt a tanyák közt valami popiszár.*

Dlho by sme mohli vypočítavať také príklady i zo slovenskej i z maďarskej reči, ktoré by svedčeli o tom, že znalosť obidvoch jazykov je dôkladná, ľudia znajú presný význam slov. Na takom stupni bilingvizmus je prirodzené, že maďarské slová môžu dostávať slovenské koncovky a slovenské slová — maďarské.

Nachádzajú sa v slovnej zásobe kondorošských Slovákov i slová, prevzaté z nemčiny, ale tieto slová sa dostali do slovenčiny ešte pred presťahovaním sa Slovákov do Maďarska, ako napr. *hernódda*, *cvik*, *štrímfle*, *švibaúke*, *cverni*, *glajchat*, *fiertucha* a i.

Zásady zostavenia nižšie nasledujúceho malého diferenčného slovníka boli: 1. pred-

ložit slová, ktoré sa nepoužívajú v spisovnej slovenčine (vo väčšine slovníka sú také slová); 2. zozbierať slová, foneticky tvar ktorých sa odlišuje od tvarov odpovedajúcich slov spisovného jazyka; 3. popísať slová, ktoré majú iný význam ako v spisovnej slovenčine.

Spôsob publikovania materiálu je nasledovný: u postatných mien sa uvádza tvar Nom. jedn. č.; Gen. jedn. č.; Loc. jedn. č.; za tým nasleduje odpovedajúce slovo spisovnej slovenčiny, a konečne — príklad árenda, *-de, -de* „nájom“: Ňimali zme svoj sálaš, lem na árende zme bivali. árenduvať „mať v prenájme“: Moj apa árendovali štiri ujerou zemi. badať „citiť, pozorovať“: Tag badám, že dážd bude padať. baláchať: „strašiť“: Ňebaláchaj tie sliepke!

bauta, -te, -te ž. „sekera“: Z bautou som miseu rošštiepiť klát.

bana, -i, -i ž. „jama s vodou“: Tag vizerás, ako kto sa v bani pokrbáľau.

bantuvať „rušiť“: Ňebantuj ho, má vom svoju biedu!

baranča, -tu, -tu str. „baránok“: Hlúpi ako baranča.

bedeňa, -i, -i ž. „debna“: Mali nám doňiest za bedeňu masti.

bechcuvat’ „sem tam behať“: Celí dem mi tu bechcuju vo dvore.

bekem, -ňa, -ňi m. „plany nôž, ktorým sa čistí obuv od blata“

beučou, -va, -ove m. „kolíska“: Ale je milvo to d’iefa v beučove!

bengéšuvať „zbierať zanechanú cibuľu na poli“.

bičak, -a, -u m. „krivák“: Kúpili mi na jarmoku edom pekní bičak.

bieliť „čistiť kukuričný šúľok od listov“.

biuňica, -i, -i ž. „brce“: Hod’ dóu štráng z biuňici!

bogár, -a, -u m. „hodvábnik“: Aj vlaňi zme mali bogári.

boriť sa „zápasiť“: Ňevládali sa zboriť eno druhiho.

budár, -a, -e m. „záchod“: Za budárom pekňe riasou orech.

buchňica, -i, -i ž. „pečené cesto“ (ako žemla): Ked’ zme tlačili, sad’e nás ponukli z.

buchňicou a pálenom.

buchta, -te, -te ž. „varené cesto, naplnené obyčajne lekvárom“.

búkat’ sa „honiť sa“: Sviňa sa zas búka.

búrka, -i, -i ž. „ľadovec“: Spadla taká búrka, že šeckerko višlo na pankrót.

cíbbik, -u, -u m. „vňať cibule“: Zelení cíbbik som jedou zo slaňinou.

cícor, -u, -e m. „Cicer arietinum“: Nakládli cícor do variačiku.

cvárgat’ (sa) „po blate chodiť; zašpiniť blatom“.

cverna, -ňe, -ňe ž. „nit“: Zišlo bi sa kúpiť aj cverni.

cvikla, -e, -e ž. „cukrová repa“: Po vojňe sa doma variu cukor s cvikle.

cvrkľa, -i, -i ž. „malé dievča“: Ešte je cvrkľa a už ju vidávaju.

cvergl’ a, -i, -i ž. „druh tekvice“ (na pečenie).

čachor, -a, -e m. „oselník“: Celkim mi je suchí čachor.

čajsi „asi“: Boli už čajsi na póuceste, kedd’ ma zbadali.

čámprdok, -a, -u m. „neobratny, maly, smiešny“.

čel’ aňík, -a, -ovi m. „mládenec, mladý človek“: Poriani je ten čelaňík.

čerňica, -i, -i ž. „čierna moruša“: Rozbehli sa čerňice.

čmela, -e, -e ž. „sršeň“: Ňimam pokoj od tejto čmela.

čombrat’ „nedbanlive nieš niečo tekutého“.

črepňa, -i, -i ž. „hlinená nádoba“: Lekvár sa klad’ie do črepni.

čutka, -i, -i ž. „koreň kukurice, čo sa vyorie a pozbiera sa na jar.

čuvár, -a, -u m. „človek, ktorý kedysi vozil pšenicu do mlyna“.

- čvrčkat' „pomaly tiečť,,: Zahubená ártirka, lem čvrčká voda z ňej.
 ·dačo! „čoby!“: — Boli ste vo váraši? — Ale, dačo som bóu!
 ·davar! „azda“: Davar ma ešte aj nabiješ!
 ·dažd' óuka,-i-i ž. „dážď'ovnica“: V dažď'óuki sa peňi dobre sapúm.
 ·d'íňa,-i,-i ž. „melón“: Ňenariasli nám d'íňe na d'íňisku.
 ·dohám,-ňu,-ňi m. „tabak“: Doñez mi z bódu dohám!
 ·došíkuvat' „priviesť“: Břeš nám došíkuvau teuce.
 ·doveduvat' „požadovat', hľadať“: Už ju aj rendéri dovedovali.
 ·drgáňat' sa „otriasat sa“: Na tej planej ceste sa lem tak drgáňau koč.
 ·driel' a „nedávno“: Driela ešte tu bola, ale už zmizla suseda.
 ·drióu, drióhodi „skór“: Razom idem, lem sa drióu najem.
 ·dudáš,-a,-i m. „cuceľ“: Hľate ho, ako cmuká ten dudáš!
 ·duriť (sa) „strašiť (sa)“: Ňedurte ju, nak spí!
 ·edom, ena, eno, eni, enie „jeden“: Choj, ti striga ena!
 ·enged'uvat' „dovoliť“: Kceli zme vihod'it' agáciju, ale nám ňeenged'ovali.
 ·fasuvat' „dostať“ (aj bitie): Čakajte že fagani, ved' vi fasujete!
 ·feršlóg,-a,-u m. „debna“: Otrubi sa tam vo feršlógu.
 ·fiertucha,-i,-i ž. „zástera“: Natrhaj pašu za fiertuchu!
 ·fifák,-a,-u m. „veľky nos“: Zase mu sadla mucha na fifák (hnevá sa).
 ·frušťik,-a,-u m. „raňajky“: Do frušťika támo bud'eme.
 ·fufnaví,-á,-o „kto hovorí cez nos“: Taká je fufnavá, ňišt' ňerozumiem, čo mi kee vravet.
 ·fuják,-a,-u m. „fujavica“: Šeckú cestu zanosiu fuják.
 ·furmanka,-i,-i ž. „povoz“: Ňeska ňimam furmanku.
 ·furt „stále,,: Ždi furt sa mi tu podpletá pod nohami.
 ·furo,-a,-e str. „podšivka“: Máš peknuo furo f kabáte.
 ·garád,-u,-e m. „priekopa“: Naostatok aj spadóu do garádu.
 ·garázduvat' „neplechý stvárať“: Ustvičňe garázduje tento paholok.
 ·gabuzína,-ňe-ž. „burina“: V zahrad'e je hustá gabuzína.
 ·gecel' a,-i,-i ž. „sukňa“: Ženi voľakodi f širokích geceľach chođili.
 ·glgam,-a,-u m. „trhané varené cesto“: Navarili sa glgani.
 ·gl'ajchat' „prispósobit'“: Ozaj zavela glajchau, kim raz trafiu.
 ·grňa,-i,-i ž. „ľavá ruka“: Šikovnie deťi ňezvikli z grňou jest.
 ·gúňe,-óu,-ach pl. t. „šaty“: Merkuj si na gúňe! Aj ti si dobrá gúňa!
 ·habat' „ponáhľat' sa“: Habem, hádam sa ňezapuozdim.
 ·hančok,-u,-u m. „malá hruda“: Od hančoku po hančok sa bude kopat'.
 ·hara,-e,-e ž. „plachta, prípevnená na dve tyče plevy sa vnej nosia.“
 ·havránka,-i,-i ž. „olovrant“: Na havránku tu budeme.
 ·havránkuvat' „olovrantovat'“: Čo dobrouo budete havránkuvat' ?
 ·heróke,óu,-ach pl. t. „v masti vypražené cesto“.
 ·hernódl' a,-i,-i ž. „vlásenka“: Stratila som si hernódl'e“.
 ·híňava,-e,-e ž. „inovat'“: Či je pekná híňava!
 ·hladoš,-a,-ovi m. „stále hladny človek“: Jec, ti hladoš!
 ·hlínačka,-i,-i ž. „hlinená zem“: Hlínačka sa dobre kalí na múr.
 ·hodi,-óu,-ách pl. t. „sviatky“: Préjšli hodi, dobre budu aj vodi.
 ·hřešiť' „nadávať“: Beží Jano a ukrúťňe hřešiť: špiro ho uhrizóu.
 ·husár,-a,-e m. „pri kosbe zanechany klas“: Stojí ako husár.
 ·hím „celkom“: Ja ňéd'em hím tatam, ved' je to d'elako.
 ·chlebóke,-óu,-ach pl. t. „druh slivky“: Zbavia mi aj chlebóke.

choj- „chod'!” (rozkazovací spôsob slovesa „odísť”).
chrptí ina,-ne,-ne ž. „chrptovina”: Lem ňi chrptínu varíte?
juhás,-a,-u m. „ovčiar”: Juhás dobre merkuje na birke.
kačaciaienka,-o,-u str. „kačací trus”: Šaď'e do kačaciaienku stúpa človek.
kajlaví,-á-o „krvív”: Krava má kajlavie rohe.
kalít' „mazať na stenu blato, vápno”: Na sviatke vikalíme chižu.
kapušník,-a,-u m. „pečené cesto, naplnené kapustou.”
kciet' 1. „chcieť”; 2. „ľúbiť”: Kto ma kee, tomu dám voľačo.
kediečka,-i,-i ž. „dieža, v ktorej sa drží údené mäso.”
kešseňa,-ii-i ž. „otvor na nohaviciach”.
kemenčok,-a,-u m. 1. „kresací kameň”; 2. „žlčovy kameň”.
kemeňica,-i,-i ž. „kamenná cesta”: Túto kemeňicu vľaiň spravili.
kifl'a,-e,-e ž. „rožok”: Chudobní lem na večie sviatke piekli kifle.
klamoš,-a,-i m. „človek, ktorý stále klame”: Ňeverím ti ti klamoš.
kerisi „minuly”: Kerisi dem som jim taňiesou drožde.
klinouňik,-a,-u m. „uterák”: Zakvač klinouňik na kliňec!
klobúk,-a,-u m. „bublina”: Ked' v lete padá dážd', robia sa klobúke.
kňaz,-a,-ovi m. „vrchný snop obilia”: Ňestačili aňi kňaza položiť na hrpkú, už sa aj liau dážd'.
kobzuvat' sa (na posteli) „roskopať perinu”.
kocprdok,-a,-u m. „malý a neobratný človek”.
koch,-a,-u m. „komín”: Už môžeme poviberať slaňinu s kocha.
kochár,-a,-e m. „kominár”: Čierni a zababraní ako kochár.
kochať sa „šiplať sa”: Zatiau sa kocháääš, že večer bude na nás.
kokam,-na,-nu m. „perlička”: Pes sa hňevá na kokani, že kričia.
komenduvat' „radiť”: Darmo mu komendovali šakovie ženi, ňoeženiú sa.
koňnacienska str. „konský trus”: Dobre sa kali blato, ag zamiesime do ňho koňnacienska.
kondáš-ik,-a,-u m. „pastier sev'ň”: Aňi seďem rokú ňimau, ked ho zenali za kondášika.
kostonka,-i,-i ž. „stopka”: Pred zaváraňim načim povitrat' kostonke.
kožienke,-ou,-ách pl. t. „kožené nohavice”.
kránská sol' ž. „liadok”: Kránská sol' hňed stiahňe dovena porezanú košku.
kravacienska,-u,-u str. „kravský trus”: Vofakody kládli na ohem aj kravacienska, ked keľauňe usklo.
krklat' saž „krčiť (sa) „Velmej sa pokrklali hábi.
kuchtít' „hľadať”: Čo kuchtiš naveki f tej kas'ňi?
kukurička,-i,-i ž. „konvalia”: Kukurička je milvo pierko.
kúnštuvat' „žartovať”: Ňekúnštujte, lebo zle préd'ete!
kuracienska,-u,-u str. „kurací trus”: Sviňa slied'i za kuracienskom.
kurivo,-a,-e str. „palivo”: Aj kukuriča ja dobrou kurivo.
kutka,-i,-i ž. „letná kuchynka”: Friško navaríme na kutki.
kvasóka,-i,-i ž. „veľká drevená vareca”.
láboška,-i,-i ž. „rajnica”: Preliala som smotanú do láboški.
lád'ička,-i,-i ž. „debna, truhla”: V lád'ički nád'eš ceduľe.
lámačka,-i,-i ž. „lámanie kukurice”: Do lámački ešte stačime.
ľ'anča,-i,-i ž. „šošovica”: Každí boží dem zme ľanču jedli.
lánštiak,-u,-u m. „jedenročný kôň”: Priahate už aj lánštiaka?
lát' „kliat', nadávať”: Ale hnušne laje tvoja suseda!
lepňík,-a,-u m. „osuch”: Pred chlebom pekávala lepňike.

lietačka, -i, -i ž. „motyľ“: Takí veľkí chlapec, a lem litačke chitá.
ľofinať, *ľofnut si* „sedieť, sadnúť si“.
lojtra, -e, -e ž. „rebrík“: Raz bóu opilí a spadóu z lojtre.
lokša, -i, -i ž. „vyvalkané cesto“: Z enej lokši vivaľkala rezance.
lúčať „hádzat“: Deti lúčali hrudi.
mačacienska, -u, -u str. „mačací trus“.
machliť, *machľuvat* „mazať“: Šecok sa zamachľíš od masťi.
makoviňa, -u, -e str. „lodyha maku“: Zhori aj makoviňa.
mál a, -u, -i str. „kukuriečné pečené cesto“: Máme hotovo máľa.
mašina, -ne, -ne ž. „mláťačka“: Pekne zme zarobili pri mašiňe.
merkuvat „pozorovať, chrániť“: Merkuj, žebi sviňe nežbehli do kukurici.
mincier, -a, -i m. „ručná váha“: Klame váš mincier!
mlačok, -u, -u m. „kladivo“: Kováča z mlačkom zabili.
mrcvolit’ sa „hniezdiť sa“: Mrcvolit’ sa ako červík.
nabíjat’ „stavat’ múr zo zeme“.
načim „treba“: Načim sa usiluvat’, ak kceme zbavit’ ňeska robotu.
nahať „nechat“: Nahaj ho, nag ide aj vom.
namáľ at’ sa „veľa a dlho pit“: Ta sa bude namáľat’, ako takí kuom.
ňetrebni, -á, -uo „neobratny“: Ale si mi ňetrebnuoc stvora!
ňízavel’a „onedlho“: Ňízavel’a tu bude aj kračúm.
ňinto „niet“: Na paláši ňišt’ ňinto.
nočak „však“: som vám poviedau, že ho necakajte.
obrázok, -u, -u m. „podobizeň“: Dobre vizeráš na tomto obrázku.
odšpárat’ sa „mínať sa“: Pomalí sa odspára sňah.
oflinok, -u, -e m. „zaucho“: Dostáu takí oflinok, že sa o zem chitiu.
ohňivo, -a, -e str. „palivo“: Vodú, ohňivo doňeste, hned hotovím večeru.
opáciť „pozriet’ sa“: Ved ja opáciť, čo to má biť.
opálat’ sa „hybať sa“: Opála sa mi zub.
opaľ’uvat’ „opáliť brava slamou“: Lem za dedinóu bolo slobod opaľuvat’.
opekance, -óu, -ách pl. t. „pečené cesto“.
paholok, -a, -u m. „mlady človek“: Šikovniho pahóuka šade rád vidia.
páchmut’ „pariť sa“: Páchňe benzim zo skleňički.
palacka, -i, -i ž. „fľaša“: Nalej že nám s tej palacki!
paláš, -u, -i m. „pôjd“: Na paláši je žito visipanvo.
páleno, -a, -i str. „pálenka“: Z jahodóu sa varí fajinskúo páleno.
paša, -i, -i ž. „tráva“: Na páškove si našli koňe pašu.
páuka, -i, -i ž. „práchno“: Mám vo vauku páuku, ocieľku a kemenčok.
pazucha, -i, -i ž. „divy vyhonok kukurice“.
pazušit’ „trhať alebo sekať divé vyhonky kukurive“.
perňa, -i, -i ž. „pyr“: Nasipem perňu na choňik, lebo je klzkaví.
pičit’ sa „fňukať“: Darmo sa aj pičiš, to tí ňepomóže.
pigľ’ajs, -a, -i m. „žehlička“: Vichladóu mi pigľ’ajs.
pigľ’uvat’ „žehliť“: Vipigľ’ujem si šatu.
pichľiač, -a, -i m. „trň“: Volade pozbierala pichľiač.
pilátuvat’ sa „trápiť sa, siliť sa“.
pleviňec, -a, -i m. „sklad, kam sa kladú plevy“.
pochabít’ sa „šantovat’“: Tito mladí sa naveki pochabia.
poenom „jeden po druhom“: Poťe, ale lem poenom (za eno druhim)!

pokloňúť sa „pozdraviť“: Pokloň sa pekne báťovi!
pominäk, -a, -u m. „nádobá, do korej sa lievajú pomyje“.
pošopki „šepkave, tajomne“.
póudahoška, -i, -i ž. „dudova, majúca jednostrannú strechu“.
prespat' sa „stratiť si panenstvo mimo manželstva“.
priezočiví, -á, -o „bezočivý“: Priezočivá je ako striga.
prostít' sa „šantovať“: Maj rozum, ňeprostiti sa!
pršať „mrholiť“: — Padá ešte dažď? — Už lem prší.
puďelár, -a, -e m. „peňaženka“.
pudrit' sa „fintiť sa“: Celí dem sa iba pudrí pred zrkalom.
purgácija, -i, -i ž. „ricínus“.
radok, -u, -u m. „pokos“: Takí veľkí radok si chitá, dobre sa ňepretrhne.
ra' a, -i, -i ž. „zoraná zem“.
rincuvat' sa „ruvať sa“: Rincuju sa ako psi.
rozhutuvat' „dumať“: Hozhutuvala som si: ojaz či duódem domóu!
rozmdrňáť „premrhať“: Čo muž zarobiu, žena vistačila rozmdrňiť.
rosipat' sa „porodiť“: F kórháze sa rosipala Mara.
rozviňievat' sa „svitať“: Hozviňievalo sa keď zme hor stáli.
sadauňica, -i, -i ž. „detská stolička“.
sapúm, a, -e m. „mydlo“: Tak som prišla aj zo sapúnom (po službe).
sikačka, -i, -i ž. „hasičský stroj“.
skapat' „stratiť sa“: Skapali nám šecke morčience.
sklad, -a, -e m. „medza“: Načo nahávaše takí širokí sklad?
skočka, -i, -i ž. „koník“: Ta buď'è viskacuvat' ako taká skočka.
skunčať „usmievaťsa“: usmievať sa
sládič, -a, -i „sladké drevo“.
slamienok, -u, -u m. „slamenica“: Poklad' vajcia do slamienu!
slobod „voľno“: Ja som ňevedeu, slobod či ňislobod trhať jablká.
smrkat' „ziapat'“: Visiakaj si nos, ňesmrkaj!
stačiť „mať času“: V zime sa budeme stačiť aj kartuvat'.
strábit' (sa) „hojiť (sa)“: Voľáko sa mi ňestrábi ruka.
šafel', -a, -i m. „sud“: Spadlo zo saffa ucho.
šanuvat' „lutovať, závidieť“: Šeci ju šanujeme chudinku.
šata, -e, -e ž. „zástera“.
škľ'abit' sa „škriepiť sa“.
šmatkat' „hmatať“: Bola taká tma, ňišť ňebolo vino, lem šmatkali.
šomrat' „hundrat'“: Navcki šomre ako takí starí pes.
špendlík, -u, -u m. „končité tenké drevo“.
špiro, -a, -u m. „pes“: Edom špiro — druhí pes.
štibrat' „d'obať, štipať“: vištibrali kurence rajčini.
štopať „krmiť hus, kačicu“.
štverne.óu, -ách pl. t. „záprah“.
šuldák, -a, -u m. „mlady bravec“: Spravili serzódés na šuldáke.
švehla, -i, -e ž. „čmelik“: Sliepke sa kúpaju, doista maju švehli.
švibauka, -i, -i ž. „zápalka“: Špórujte s tima švibaukami!
tarkaví, -á, -o „pestry“: ňi lem edom tarkaví pes jesto na sveťe!
ulačiv' „mlátiť“: Natéačili štiricať centóu žita.
truhľ' a, -i, -i ž. „rakva“: Ledva vládali truhľu.

túrňa, -i, -i ž. „veža“: S túrni d'efako vid'íme.
ujer, -a, -i m. „jutro“: Ňimali iba petnác ujenóru.
usiluvat' sa „snažiť sa“.
variačik, a, -u m. „hlinená nádoba“ (varievalo sa v ňom v peci).
vinsuvat'. „priat“: Vinsujem vám tento noví rok!
vótko, -i, -i ž. „voňavá voda“ (pre oblievanie).
vrchnák, -a, -u m. „pokrievka“.
zabíjačka, -i, -i ž. „zakáľačka“: Švagar ňepriď'e na zabíjačku.
zacapat' „zašpiniť blatom“.
zapuozdiť sa „oneskoriť sa“: Darma utekám, aj tak sa zapuozdim.
znoci. t' sa „potiť sa“: Ňišť ti ňebude, lem sa keľauŇe viznoj!
žiarenica, -i, -i z. „hrianka“.

Literatura:

1. J. Stanislav: Liptovské nárečia, Turč. sv. Martin, 1932.
2. P. Ondrus: Stredoslovenské nárečia v Maďarskej ľudovej republike, Bratislava, 1956.
3. M. Kálal: Slovensky slovník a literatury aj nárečí, B. Bystrica, 1923.
4. St. Jančovič: Novy maďarsko — slovensky a slovensko-maďarsky slovník, V Prešporku 1863.
5. J. Hvozdič: Zovrubny slovník I. Praha-Prešov, 1937. ,II Košice, 1933.
6. Loos-Pechany: Magyar és tót szótár, Budapest, é. n.
7. Mendreszóra-Orbán: Novy slovensko — maďarsky slovník, Turč. sv. Martin, 1933.
8. T. Góbel Marianne: Szlovák-magyar szótár, Budapest, 1962.
9. Maďarsko-slovensko-česky slovník, Bratislava, 1957. (Slov. ped. nakl.)
10. Slovensko-maďarsky slovník, Bratislava, 1958. (Slov. ped. nakl.)
11. Slovník slovenského jazyka A-P, Bratislava; red. Št. Peciár.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ В ОЦЕНКЕ Г. В. ПЛЕХАНОВА

Д. ЯКОЧ

Оценка Л. Толстого Плехановым претерпела некоторые более или менее существенные изменения. Но это, к сожалению, редко учитывается. Обычно принято говорить о взглядах Плеханова о Толстом вообще. При этом исследователи в данном случае обращали внимание только на слабые стороны Плеханова.¹ Правда, П. С. Трофимов уже видит какие-то положительные черты в оценке Толстого Плехановым, но он не принимает во внимание развитие. Книгу М. М. Розенталя о Плеханове, несмотря на то, что во многих существенных вопросах мы не согласны с ним, считаем положительным явлением в тех исторических условиях. Розенталь в условиях культа личности старался использовать положительные стороны наследства Плеханова. Основные статьи Плеханова о „великом писателе земли русской“ были написаны между 1907—1911 годами, но у него было много высказываний о Толстом и до этого. Несмотря на изменения во взглядах Плеханова, он всегда высоко оценивал талант Толстого как художника. Взгляды Плеханова о Толстом как об идеологе, как о выразителе интересов и чаяний определенных классов изменились. Мы здесь не собираемся оправдывать просчеты критика, нам хотелось бы только указать на факты. С. П. Бычков пишет о Плеханове: „Критик резко и прямолинейно заявил: „Л. Толстой — барин до конца ногтей даже там, где он кажется революционером“.² Все это верно, все это так. Но данное высказывание относится к 1903 году. Подобные высказывания, конечно, повторялись и позже, но Плеханов позже был уже менее прямолинейным. В 1911 году он уже пишет следующее: „Итак, переворот“ состоялся, *во-первых* в том, что жизнь высшего класса не только опротивела Толстому, но потеряла в его глазах всякий смысл; *во-вторых* в том, что жизнь трудящегося народа получила для него большую привлекательность, а смысл, придаваемый трудящимся народом этой жизни, был признан им „истиной“.³ Теперь уже Плеханов считает Толстого „бытописателем высшего сословия“ только до „переворота“. Но это еще не все. Плеханов уточняет данное положение. „Но когда Толстой говорил: народ, он разумел именно крестьянина доброго

1. М. М. Розенталь, Вопросы эстетики Плеханова, М., 1939 г.

В. А. Фомина, Плеханов против модернизма в искусстве, ж. „Вопросы философии“, 1953, №3.

П. С. Трофимов, Эстетические взгляды Плеханова, М., 1956 г.

2. С. П. Бычков, Л. Толстой в русской критике М., 1960 г., стр. 42.

3. Г. В. Плеханов, Литература и эстетика, М., 1958г., т. II., стр. 418.

старого времени, представляющегося ему в виде все выносящего и все прощающего Платона Каратаева".⁴ Все Это говорит в данном случае о близости взглядов Плеханова и Ленина. Возможно, что изменения во взглядах Плеханова были вызваны статьями В. И. Ленина. Об этом хорошо писал Б. С. Мейлах.⁵ Но зародыши таких выводов были у Плеханова и раньше. Плеханов в статье „Еще о Толстом" говорит о влиянии социализма на писателя и т. д. Но говорить о тождестве взглядов Плеханова и Ленина все-таки было бы неправильно. Дело в том, что Плеханов даже в этой последней статье рассматривает *причины* идейного переворота писателя совсем по-другому, нежели Ленин. Для Ленина изменение взглядов Толстого было вызвано протестом разлагающегося патриархального крестьянства. „Историко-экономические условия объясняют и необходимость возникновения революционной борьбы масс и неподготовленность их к борьбе, *толстовское непротивление злу*, бывшее серьезнейшей причиной поражения первой революционной кампании".⁶ (подчеркнуто нами). Плеханов *причиной переворота считал в конечном счете идейно-моральное развитие и воспоминания самого писателя*. Говоря о влиянии социализма на Толстого, он считал это влияние поверхностным. Он в данном случае не заметил, что стихийный протест крестьян является причиной „*переворота*". Он не обратил достаточного внимания на *конкретный* анализ русских общественных отношений. Ведь полный переход Толстого на патриархально-крестьянскую точку зрения в 80-ые годы совпадает усиленным развитием капитализма в России, и следовательно, с усиленным разложением патриархального крестьянства.⁷ Плеханов не принял во внимание специфические черты развития русского капитализма. Об этом в 1909 году писал Ленин в предисловии к своей книге „Развитие капитализма в России".⁸

Но анализ Плехановым мировоззрения Толстого имеет положительные стороны, на наш взгляд, важные и в наши дни. Критик сосредоточивает свое внимание на внутреннем развитии мировоззрения Толстого и находит *зародыши* идеологического переворота уже в ранний период деятельности писателя.

Характерное для Толстого понимание народного характера Плеханов видел уже в Платоне Каратаеве. Весьма интересным является наблюдение критиком того факта, что Толстой уже в „Юности" изображает нравственное опустошение помещиков как следствие их жизни за счет эксплуатации крестьян. Данные его наблюдения подтверждались дальнейшими исследованиями.⁹ Следовательно, критик в результате анализа внутреннего развития Толстого заметил некоторые

4. Там же, т. II., стр. 430.

5. Б. Мейлах, Ленин и проблемы русской литературы конца XIX нач. XX вв., Л., 1956 г., стр. 397—403.

Б. И. Бурсов, Г. В. Плеханов, „История русской критики", АН СССР, т. II., стр. 553.

6. В. И. Ленин, О литературе и искусстве, М., 1957 г., стр. 204.

7. Н. И. Успенский, Л. Толстой и русское крестьянство, „Известия АН. Отд. лит. и яз.", М., 1953 г.

8. В. И. Ленин, Развитие капитализма в России, ЭУ собр. соч., т. III.

9. Б. Эйхенбаум, О противоречиях Льва Толстого, ж. „Литературный современник", 1939 г., №7—8.

черты идеологии писателя, которые после переворота стали для него характерными. (Понимание некоторых черт „народного“ характера и вредного влияния эксплуатации на нравственность верхов и т. д.).

Но имеется и другая положительная сторона плехановского анализа. Критик замечательно раскрыл логическую несостоятельность теории непротivления злу насилем. Он дал верный анализ логических противоречий писателя.¹⁰ Когда Плеханов говорил о Толстом как о великом художнике и о крайне слабом мыслителе, то он имел в виду логические противоречия писателя. И, действительно, *логика, аргументация* Толстого не выдерживает самой снисходительной критики. Естественно, что Плеханов, будучи специалистом по философии и ясно видя слабые стороны воззрений Толстого, не мог отозваться о нем иначе как о крайне слабом мыслителе. Из этого совсем не следует, что он не видел верных сторон мировоззрения писателя. Но наличие этих сторон у Толстого еще не значит, что Плеханов в данном случае заблуждался, так как у писателя на каждом шагу можно найти кричащие логические противоречия. А такие противоречия совсем не характерны для действительно глубоких мыслителей. (Если Ленин мог называть некоторых физиков-естествоиспытателей великими физиками и маленькими философами, то кажется непонятным, почему нельзя считать Толстого великим художником и слабым мыслителем). Весь вопрос в том, какое влияние имели противоречивые стороны мировоззрения писателя на художественное творчество. Наличие весьма сильных логических противоречий еще не исключает возможности в основном верного отражения мира, так как влияние верных и ложных сторон мировоззрения по степени может быть разным. Неправильно предполагать, что поскольку верны взгляды писателей, постольку они и являются великими художниками. Между мировоззрением и художественным творчеством *нет математической пропорциональности*. Это положение требует уточнения, и поэтому об этом подробнее будем говорить ниже.

Как мы уже сказали, Плеханов доказал логическую несостоятельность теории Толстого о непротivлении злу насилем. То, что Плеханов обратил в то время особое внимание на эту сторону дела, является неслучайным. Толстовская проповедь непротivления злу насилем была в 1907—1911 гг. совсем не новым явлением. Еще в 1888 году Н. К. Михайловский писал о влиянии данной теории на художественное творчество Толстого и писал об этом неплохо.¹¹ Но ни Ленин, ни Плеханов о толстовской проповеди непротivления не писали, пока не грозила опасность проникновения данной проповеди в рабочее движение. Не случайно, что статьи Ленина и Плеханова появились почти одновременно. Если учесть, что в то время надо было вести усиленную борьбу против субъективного идеализма махистов, то резкий тон плехановских статей становится понятным.¹² Ло-

10. С. С. Деркач, Г. В. Плеханов о Льве Толстом, ж. „Вестник ЛГУ“, 1961г., №8, сер. истории языка и права.

11. Н. К. Михайловский, Еще о гр. Л. Н. Толстом, Опять о Толстом, сборник „Л. Толстой в оценке русской критики“, М., 1952г.

12. Историческая характеристика этого времени дана В. И. Лениным в кн. „Детская болезнь „левизны“ в коммунизме“, гл. III, IVзит, 31т. Здесь Ленин пишет о 1907—1910гг. „Годы реакции (1907—1910). Усиление тяги к философскому идеализму; мистицизм, как облачение контрреволюционных настроений.“ стр. 10—15.

тика идеологической борьбы того времени требовала разоблачения вредности проповеди непротivления злу насилieм во что бы то ни стало. Ведь именно в эти годы реакции после поражения революции 1905—1907 гг. влияние враждебных идеологических направлений сильно возросло. Положение было особенно острым, потому что надо было бороться против многих враждебных марксизму теорий. В тех исторических условиях от исхода идеологической борьбы зависело существование партии, дальнейшая судьба рабочего движения. Поэтому совместное выступление Плеханова с Лениным против „толстовщины” было исторически необходимым. Тогда интересы рабочего движения требовали анализа именно слабых сторон мировоззрения писателя. Плеханов прекрасно видел, что возрастающее влияние теории непротivления злу насилieм было связано с отсутствием надежды на возможность завоевания власти. „Чтобы поступать согласно с этой моралью, нужно обладать если не властью, то хоть уверенностью в том, что власть можно приобрести”, — пишет он в статье „Симптоматическая ошибка”.¹³ Не случайно, что эта статья открывает ряд статей Плеханова о Толстом. И не случайно, что Ленин, несмотря на известное расхождение с Плехановым в оценке писателя, отзывался о его статьях положительно.

В наше время вопрос о плехановском наследии имеет совсем другой характер. Отдавая должное заслугам Плеханова в борьбе против теории непротivления злу насилieм, надо выяснить, насколько помогают эти статьи понимать творчество Толстого. В этом отношении для нас является весьма интересным его подробный логический анализ противоречий Толстого. Плеханов, указывая на несостоятельность теории непротivления злу, далеко не все стороны мировоззрения писателя считал ошибочными. Критик отвергал только *планы* Толстого об искоренении зла. Но в утверждении, что *тогдашний общественный строй* является злом, Плеханов считал его вполне правым. По словам критика, Толстой глубоко почувствовал неудовлетворительность нынешнего общественного строя”.

Значит, взгляды писателя на „зло”, на гнилость общественных отношений были, по мнению Плеханова, глубоко *верными*. Толстой не понял *лишь* „борьбы за переустройство общественных отношений”, неверно указал путь избавления от этого „зла”. Но в большинстве случаев верно видел зло, и верно считал, что нужно *бороться* против „зла”. Ложным был метод пассивного сопротивления и моральной проповеди, предлагаемый автором. Естественно, что ложный взгляд на *борьбу* против реакционных общественных отношений не мог сильно мешать изображать „зло” — реакционность, антинародность царского режима. Но во время „ликвидаторства” вопрос о методах, о форме борьбы выдвигался на первый план, так как от решения этого вопроса зависела судьба партии.

Плеханов сосредоточил свое внимание на ложной стороне идеологии Толстого, но он видел и значение толстовского разоблачения лжи, а для литературы и является главным видеть верно жизнь, общественные отношения. Поэтому особенно важную роль играет та сторона мировоззрения писателя, от которой зависит верное видение и *изображение жизни*. Если писатель хотел бы, подобно апостолам царизма, исказить жизнь, если он не видел бы несостоятельность царизма, то он не мог бы написать свои превосходные произведения. Но в том то и дело, что в этих вопросах Толстой не так уж много ошибался. Плеханов писал:

---

13. Г. В. Плеханов, Литература и эстетика, т. II., М., 1958г.

„Он проповедует непротивление злу насилем, а те его страницы, которые подобны только что указанным мною, будят в душе читателя *святое стремление* выставить против реакционного насилия революционную силу. Он советует *ограничиться оружием критики*, а эти его превосходные страницы безусловно оправдают самую резкую критику посредством оружия”.¹⁴ Этими словами Плеханов признал *революционное значение* художественного творчества Толстого. Это и есть настоящий триумф реализма. Из верно воспроизведенной писателем жизни объективно вытекают иные выводы, иногда прямо противоположные тому, что советовал сам Толстой. Но для того, чтобы писатель мог верно воспроизводить жизнь, он должен был более или менее верно видеть ее. Только при верной оценке, при верном видении жизни возможно ее верное отражение в художественных образах.

Здесь мы считаем нужным указать на тот факт, что в оценке некоторых явлений действительности Толстой допускал грубые ошибки. Общеизвестно, что он считал злом возникновение городов, рост пролетариата и т. д. Это, конечно, вредно влияло на его творчество. (В „Воскресенье” он отрицательно изобразил марксиста-революционера). Но в целом его взгляды на церковь, государство и т. д. были верными, как на это указывал Ленин. И верные, и ложные стороны мировоззрения писателя являлись следствием его крестьянских классовых позиций.

Плеханов не обратил внимание на связь *верных* и *ложных* сторон идейности с классовыми позициями писателя. Из-за недооценки роли крестьянства, он не мог раскрыть, что логические противоречия Толстого обуславливаются двойственным положением крестьянских масс. Это показал Ленин, и поэтому он мог конкретно сказать, какие взгляды Льва Толстого на русскую жизнь были верными.¹⁵ Верный анализ Лениным крестьянского вопроса и определял его верный подход к Толстому, как к идеологу крестьянства. И, наоборот, просчеты Плеханова были обусловлены его ошибками в этом вопросе. Сопоставление Ленина и Плеханова доказывает, что методология, верная сама по себе, может привести к верным результатам только при строгом учете конкретных общественных отношений.

Плехановский анализ взглядов Толстого, несмотря на его недостатки, в наши дни является ценным. Плеханов правильно показал, что из глубоко реалистического изображения жизни тогдашней России необходимо вытекают революционные выводы. Такое изображение было обусловлено верными сторонами мировоззрения писателя. Нечто подобное могло случиться и в других исторических случаях, например, с Бальзаком и Достоевским. Нельзя свести общественно-политические взгляды Бальзака к его политической программе, к легитимизму. Достоевский тоже во многом верно видел и изображал „зло”, неудовлетворительность общественных отношений. Даже в его отрицании революционного движения не все было ложным. Когда Достоевский отрицал революционное движение, то он имел в виду методы индивидуального *террора*. Теперь уже не

---

14. Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, М., 1958г. т. 5, стр. 637.

15. Н. И. Успенский, Лев Толстой и русское крестьянство, Известия АН Отд. лит. и яз., 1953г.

подлежит сомнению, что такая революционность была осуждена историей на провал. Ошибка Достоевского заключалась в том, что, отрицая революционность индивидуального террора, он отрицал *революционное движение вообще* сводя его только к методу индивидуального террора. Верно понимая стороны тогдашней действительности, Достоевский во многом верно изображал жизнь. С другой стороны, не видев, действительных методов разрешения противоречий, он обратился к религии как к средству спасения человечества. Но революционному движению надо было освободиться от террористических методов, от той формы революционности, которая была отвергнута Достоевским.

Статьи Плеханова о Толстом, несмотря на то, что они являются наиболее слабой частью его литературного наследства, имеют положительное значение и для нашего времени. Плеханов дал развернутый анализ логических противоречий писателя. Из этого анализа вытекает важный вывод о характере влияния ложных идей Толстого. Ложные идеи Толстого были серьезным препятствием для развития освободительного движения, они могли принести большой вред рабочему движению (Ленин рассматривал „толстовское непротivление, как серьезнейшую причину поражения первой революционной кампании’’). Но эти идеи имели такой характер, заняли такое место в системе мировоззрения писателя, что не помешали его огромному таланту верно воспроизводить жизнь, создать первоклассные произведения. Разные стороны мировоззрения играли неодинаковую роль в художественном творчестве писателя. Ложные идеи Толстого, будучи весьма опасными в политической борьбе для освобождения пролетариата, хотя и вредно влияли на художественное творчество, но тем не менее не помешали создать писателю превосходные произведения. *Одни и те же ложные идеи в разных областях оказались не в одинаковой мере опасными.* С другой стороны, верные идеи писателя полностью и благоприятно проявились в его художественном творчестве. Правильное видение мира имеет особенное значение в мировоззрении писателя. Ложные идеи, конечно, оказали определенное вредное влияние, но не они играли решающую роль. К сожалению, влияние ложных идей на *образную систему* произведений Плеханов в данном случае рассмотрел лишь вскользь. Эта задача была решена Плехановым в его статьях об Ибсене и К. Гамсуне.

М. А. СОКОЛОВА, ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА
ЛЕНИНГРАД 1962. p. 311

M. A. Sokolova's historical grammar was published by the University Press of Leningrad. The name of the authoress is well-known among those, who are preoccupied with Russian linguistic history.

M. A. Sokolova's work embraces the most interesting periods of Russian linguistic history, namely those which require full attention. Her first significant work was the description of the 11 th century Russian redaction of the gospel of Archangelsk. Her study bearing the title К истории русского языка в XI веке is an exemplary, conscientious and accurate work, embracing the minutest phenomena of phonetics and morphology. An other region investigated by the authoress is the language of the 16 th century. The union of the widespread feudal principalities under the leadership of Muscovy takes place at that time, the integrated Russian state is being established. She studied the official language of this, from the point of view of Russian linguistic history, most interesting and important period on the basis of the Domostroj, Stoglav and the Sudebnik of 1550. She summarized the results of her many years' investigation in her book entitled Очерки по языку человых памятников XV века

The authoress turned her attention to revealing the characteristics of living Russian. This effort manifested itself in case of the gospel of Archangelsk in the fact, that she tried to separate the Old Slavonic phenomena from the reflections of the Russian language appearing from time to time. In her book devoted to the 16 th century official language her aim was to set apart the characteristics of the bookish language from living Russian.

M. A. Sokolova's book is based on her lectures at the university. In this way she unites the results of her investigations with the methodological experiences of linguistic history. The word очерки, in the title of her book, emphasizes the aim of the authoress to give an outline of the history of the Russian language. In this way, within the scope of this „outline" she has opportunity of dealing in detail with certain questions of Russian linguistic history according to her interest and her field of investigation.

M. A. Sokolova's book consists of three parts: phonetics, morphology and syntax. In the short preface we are informed about the fact that the book does not contain the whole material of her lectures introducing Russian linguistic history. In a short appendix the outline of Old Russian morphology is found too.

Before discussing the book in detail we should like to mention that its essential feature is the fact that it embraces phonetics, morphology and syntax. This is a fundamental actuality of M. A. Sokolova's linguistic history, as it was to some extent a

„tradition” of reference books dealing with the history of the Russian language to embrace only phonetics and morphology leaving out the syntax (A. J. Sobolevskij's and N. Durnovos's Russian Linguistic History) or dealing with it only in outline (the book of P. J. Černych) In this way we can get acquainted with the history of the Russian language from a common point of view. The other important merit of this book is, that the authoress borrowed her material illustrating the historical processes not only from the available, classical handbooks, but completed them by the results of her original investigations. But the fact, that the newest views and theories appearing on the field of Russian linguistic history, are reflected in this book, may be considered as the third actuality of this book.

After these general observations let us enter upon what we have to say about certain chapters. The chapter dealing with phonetics begins with outlining the vowel and consonant system of Old Russian. Special attention is paid to the discussion of vowels. Not only the characterization of the physiological and acoustic features of certain vowels is found here, but even their history is outlined in an exceptionally concise way, referring to their Indo-European, respectively Proto-Slavonic antecedents. There upon we can read about the development of sounds taken place in the period preceding the use of written records, about the development of nasals, about the first full vocalism, the initial reflexes of *ort*, *olt* junction features and the palatalization of consonants. This part is followed by the detailed description of tendencies concerning the development of sounds in the linguistic records. It is good that the authoress pays attention to the changing of *e* < 'a in final position and to the special palatalisation of *k* and *g*, to which little reference is found in the well-known handbooks. Specially important is the knowledge of the developmental tendency of the sounds *e* < 'a as it has a morphological role. The plural nominative forms of *колье*, *листье* developed from the collective nouns of the *e* > 'a type are explained by the developmental tendency of the sounds.

On reviewing individual phenomena the characteristic treatment of the authoress brought about certain repetitions. For example the discussion of the fate of *ě* is found in two different places; at the survey of the Russian vowel system (page 12) and at the developmental tendency of *ě* (page 74). But the developmental tendency of the vowel *e* > *o* in initial position is not discussed separately, though those cases are carefully outlined, where no change of *e* > *o* in initial position is found (page 8).

We could make the following remarks concerning the chapter of phonetics. It is to be pitied that on examining the fate of the reduced sounds and that of *tblt*, *tblt* juncture features the authoress does not mention *V. N. Sidorov's* ingenious¹, extremely interesting though disputable theory which exerts a great influence on the works published lately. Concerning the reflexes *жч* to be found in the monuments of Novgorod and Pskov and the *жч* in the Southern and Western dialects of the *ždž* juncture features of Proto-Slavonic, we have to mention the fact, that lately it was questioned by *R. Jakobson* and *S. J. Gerovskij* that these designations were caused by phonetic characteristics. They saw in the use of the letters *жч* resp. *жч* instead of the Proto-Slavonic *ždž* a purely graphic feature. Strangely enough the

---

¹ В. Н. Сидоров. Редуцированные гласные в древнерусском языке XI. в. Сб. Труды Института языкознания АН СССР. т. II. 1959. pp. 199—220

authoress does not touch upon the criticism of this view, which may be explained by the fact that she does not accept theory of *R. Jakobson and Gerovskij*, but it would have been good if the authoress had taken a stronger stand in this question.

Concerning the fate of the *trbt, tlbt* juncture features representing the connection of the Proto-Slavonic liquids and reduced sounds, M. A. Sokolova writes about the fact that in some dialects of the Proto-Slavonic language (page 43) the *r* and *l* in initial position can become syllabic if there is no reduced sound in the next syllable. It is evident that in some cases even in the Proto-Slavonic period the reduced sounds are elided in certain sound combinations, but it is hard to imagine, that the disappearance of reduced sounds in weak position after liquids took place in the Proto-Slavonic period. N. van Wijk² explains the origin of new syllabic liquids with the falling out of reduced vowels in weak position, and this happened after the end of the Proto-Slavonic period. It is more appropriate to put the origin of „secondary” syllabic liquids into a time after the end of the Proto-Slavonic period. The great merit of the chapter dealing with phonetics is the authoress to keep in view the characteristics of the phonetic structure of today’s Russian both in the literary language and in the dialects. The present Russian orthoëpia makes us see in its requirements the results of the developmental tendencies often paralysing each other’s effect.

Beside the relatively small proportion of phonetics morphology occupies a much larger space in the book. The authoress outlines in detail the history of the development of the noun, adjective, pronouns and numerals. She also touches upon the characterization of the grammatical categories of different parts of speech separately. She depicts vividly the changes of the system of declension not according to the traditional classification of the Indo-European stems, but according to the fundamental tendency of Slavonic declension on the basis of the uniting processes in accord with the gender. By means of this treatment we may get a clearer arranged, more accurate picture of the changes of the declension system. The part dealing with the conjugation system is successful too. The most successful part of the book is that of syntactis changes, where the authoress approaches the history of the compound and complex sentences and their types after the detailed outline of the history of the sentence-elements. Very successful is the part on the impersonal sentences. We can read separately about the history of the participles and adverbial participles, where the authoress describes in a vivid manner how the active present and past so-called short participles become adverbial participles in course of the gradual loss of concord and conjugation. On reading this part it becomes clear that the origin of the adverbial participles cannot be examined on the basis of purely morphological characteristics, but the syntactical elements are to be taken into consideration too.

The purpose of a manual or university lecture is not necessarily to say something new. It is a welcome manifestation if an author disposing of adequate pedagogical experiences enriches our knowledge with new results by means of university lectures on a subject.

We should like to draw attention to two such novelties. Referring to the lack of concord the authoress mentions the fact that in sentences containing subject and predicate, the lack of concord frequently occurs. These sentence types are referred to as impersonal sentences by some linguists. According to the theory of Šachmatov,

---

² Н. Ван — Вейк. История старославянского языка М. 1957. pp. 197—98.

who looks upon these sentence types as sentences without concord, containing two limbs. M. A. Sokolova refers to the supplementary circumstances of the origin of these sentences. The lack of concord is to be noticed in the Domostroj and Stoglav in cases when the sentence contains several subjects of the same gender. In such cases the postpositional predicate is of neutral gender. These types are found together with sentences where beside the subjects of the same gender there is a generalizing limb — BCE, which the predicate is in concord with : а укусъ и огурчної росоль и лицонной и сльвной все цежено в ситце. (Domostroj p. 48). On the basis of sentences of this type concord is omitted in cases when the neutral generalizing pronominal form is absent, but the complex of subjects of the same gender is regarded in a generalized way. So beside the common logical meaning the predicate could take even the neutral form. (246—247—248 pp.)

On discussing conjunctive coordinate clauses, the authoress (p. 278) mentions the fact, that little attention has been paid by the linguists to the use of conjunctions и, а. They have not examined whether there was some sort of differentiation between their use. On examining the Domostroj the authoress found that there was some sort of differentiation between the use of и and а.

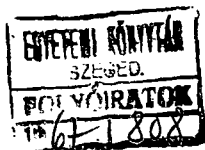
This manifests itself in the fact that и links those clauses, which have close logical connection. But if the logical connection is not close, and one of the clauses announces something new, they are linked by а (280).

M. A. Sokolova's latter observation is based on the minutest differences of the linguistic material and is a good example of drawing our attention to more accurate analysis of linguistic data.

Summarizing our impressions on reading M. A. Sokolova's work, we may safely say that the book written by her, because of the wealth of its material, the comprehensive analysis of the linguistic phenomena and the elaborated data of the linguistic records, contributes to giving a clearer picture of the Russian language.

We should like to emphasize the exceptionally concise style of the authoress, rich in participial structures, which does not let our mind wander, but forces us to concentrate upon the subject. M. A. Sokolova's book is a great asset to Russian studies.

I. H. TÓTH

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Моѳ. Zu den Spuren des gotischen Arianismus im Bulgarischen	3
И. X. Тот. К истории сочетаний тѳрт, тѳлт в древнерусском языке	5
И. X. Тот. Из словаря Евангелия № 104 Румянцевского фонда Государственной библиотеки им. В. И. Ленина	15
И. Пете. О противоположном значении одного и того же слова в русском языке	18
Р. Sonkoљy. Zo slovinka kondoroљkёho slovenskёho narecia	27
Д. Якоч. Лев Толстой в оценке Г. В. Плеханова	35
М. А. Соколова. Очерки по истории русского языка. (Рец.)	41

Megjelent 400 példányban, (2,5 A/5) iv terjedelemben

Felelős kiadó: Juhász József

63.280 3130 Bács-Kiskun megyei Nyomdaipari Vállalat, Kecskemét

СПИСОК ОПЕЧАТОК

страница	строка	печатано	следует читать
6	44	разрядки	разрядки
6	45	в XI	в XI
7	43	стр-	стр.,
11	4	tlt	тълт
11	40	1915 г.,	1915 г.,
13	27	Ж/РЕЪш 836,	Ж/РЕЪЯ 896,
15	28	Jagiè	Jagic
15	30	Stravenhage	Gravenhage
16	10	ПОСОХЪ.-	ПОСОХЪ.
16	38	известно-	известно
18	12	от глагольного	отглагольного
21	6	Виноградов	Виноградов,
21	24	Сематическая	Семантическая
22	12	cerstvy	čerstvy
22	27	этимологические	этимологически
28	6	jazykové	jazykové
29	39	kedd'	ked'
31	10	keššoňe	keššoňe
31	24	noeženiu	ňeoženiu
31	21	noeženiu	ňeoženiu
31	27	koňnacionka	koňnacionka
31	29	sviň	sviň
31	32	sosl'	sol'
31	35	saž	sa
32	1	litačka	lietačka
32	19	ňetrebnuo	ňetrebnuo
32	40	klzkavi	klzkavi
33	4	dudova	budova
33	18	Hozviňievalo	Rozviňievalo
33	25	usmievat sa	usmievat' sa
33	47	Natéačili	Natlačili
34	2	ujenóru	ujeróu
34	11	znojit' sa	znojit' sa
34	17	slovníka	slovník z
34	25	Peciatr	Peciar
42	2	A. J.	A. I.
44	7	огурчной	огуречной
44	8	лицонной	лимонной
44	8	сливной	сливной
в содержании		zo slovinka	zo slovníka